

ТЕКСТ В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

УДК 82-343.4

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-69-117

Восточнославянская сказка «Кумова кровать» («Разбойник Мадей», СУС 756В): структура и генезис

Леонид Г. Каяниди

*Смоленский государственный университет,
Смоленск, Россия, leonideas@bk.ru*

Аннотация. Сказочный тип СУС 756В «Разбойник Мадей» состоит из двух ходов: в первом героем является запроданный юноша, который становится священником, задающим покаянное задание разбойнику Мадею – герою второго хода. Сюжетообразующим элементом 756В является епитимья героя – выращивание цветущей яблони из сухой трости. Восточнославянский ареал распространения сказок о кумовой кровати делится на две зоны – русско-белорусскую и украинско-белорусскую. В восточнославянских записях отсутствует характерное для западноевропейских дополнительное испытание второго хода, где отшельник предстает как ложный герой, который завидует прощению разбойника Мадея. Восточнославянские сюжеты 756В заимствованы из Западной Европы через польское влияние, однако они содержат значительное количество черт, которые находят объяснение в апокрифах о Крестном Древе и иконографии благоразумного разбойника, получивших распространение в период второго южнославянского влияния. «Слово о Крестном Древе» определяет актантную структуру сказки: Авраам превращается в священника, дающего невыполнимую епитимью, а Лот – в великого грешника (Мадея). Мадей эмблематически соотносится с Адамовой головой: постаревший, он срастается с яблоней, обрастает мхом, лежа внизу дерева, символически тождественного Кресту Господню. Форма покаянного подвига раскаявшегося разбойника восходит к нескольким источникам: мотив расцветания сухой трости – к образу дубины Геракла и жезла Аарона, а мотив выращивания дерева из сухой трости – к Житию Иоанна Колова. Иконографией евангельско-апокрифического благоразумного разбойника определяется крестообразная поза разбойника

© Каяниди Л.Г., 2025

Мадея и окружающий его райский сад. Через древнерусскую иконопись получает распространение одно из двух собственных имен сказочного героя – Рах.

Ключевые слова: легендарная сказка, структурно-семиотический метод, разбойник Мадей, иконопись, народная мифология, религиозная легенда, апокрифы о Крестном Древе, благоразумный разбойник

Дата поступления статьи: 8 февраля 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 3 марта 2024 г.

Дата публикации: 26 марта 2025 г.

Для цитирования: Каяниди Л.Г. Восточнославянская сказка «Кумова кровать» («Разбойник Мадей», СУС 756В): структура и генезис // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 1. С. 69–117. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-69-117

The East Slavic fairy tale “Godfather’s Bed” (“The Robber Madej”, SUS 756B). Structure and genesis

Leonid G. Kaianidi

*Smolensk State University,
Smolensk, Russia, leonideas@bk.ru*

Abstract. The fairy-tale type SUS 756B “Robber Madej” consists of two moves: in the first, the hero is a young man who becomes a priest who sets a penitential task to the robber Madej, the hero of the second move. The plot-forming element of 756B is the hero’s penance – growing a flowering apple tree from a dry cane. The East Slavic area of the spread of fairy tales about the godfather’s bed is divided into two zones – Russian-Belarusian and Ukrainian-Belarusian. The East Slavic records lack the additional test of the second move, which is typical for Western European ones, where the hermit appears as a false hero who envies the forgiveness of the robber Madej. The East Slavic plots of 756B were borrowed from Western Europe through Polish influence, but they contain a significant number of features that are explained in the apocrypha about the Tree of the Cross and the iconography of the prudent robber, which became widespread during the period of the second South Slavic influence. “The Word about the Tree of the Cross” defines the actant structure of the fairy tale: Abraham turns into a priest giving an impossible penance, and Lot turns into a great sinner (Madej). Madej is emblematically correlated with Adam’s head: aged, he fuses with an apple tree, grows overgrown with moss, lying at the bottom of a tree symbolically identical to the Cross of the Lord. The form of the deed of the repentant robber goes back to several

sources: the motif of the flowering of a dry cane – to the image of the club of Hercules and the rod of Aaron, and the motif of growing a tree from a dry cane – to the Life of John the Dwarf (Kolobos). The iconography of the evangelical-apocryphal prudent robber defines the cruciform pose of the robber Madej and the Garden of Eden surrounding him. Through ancient Russian iconography, one of the two proper names of the fairy – tale hero, Rakh, is spreading.

Keywords: legendary fairy tale, structural semiotic method, robber Madej, iconography, folk mythology, religious legend, apocrypha of the Tree of the Cross, prudent robber

Received: February 8, 2024

Approved after reviewing: March 3, 2024

Date of publication: March 26, 2025

For citation: Kaianidi, L.G. (2025), "The East Slavic fairy tale 'Godfather's Bed' ('The Robber Madej', SUS 756B). Structure and genesis", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 1, pp. 69–117, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-69-117

Введение: постановка проблемы, материал

Одной из тенденций в современном российском сказковедении становится построение типологий различных сказочных сюжетов. Наиболее заметную роль здесь играют В.Е. Добровольская и С.Ю. Неклюдов¹. Наша работа, посвященная сказочному типу «Кумова кровать», вписывается в этот ряд типологических исследований.

Сюжет 756В не раз привлекал внимание фольклористов. Он был подробно исследован с помощью сравнительно-мифологического метода Яном Карловичем², а с помощью историко-географического метода – Н.П. Андреевым³. Накопившийся за прошедшее время фактический материал и развитие фольклорной теории обуславливают необходимость вернуться к рассмотрению сюжета о разбойнике Мадее с новых методологических позиций и с учетом новых сведений.

Мы преследуем две взаимосвязанные цели. Первая – создание структурно-семиотической типологии сюжета 756В. Эта типо-

¹ См., например: [Добровольская 2019; Добровольская 2022; Неклюдов 2023а; Неклюдов 2023б].

² *Karlovisz J.* Podanie o Madeju // *Wislá*. T. 3. Warszawa, 1889. S. 102–132.

³ *Andrejev N.P.* Die Legende vom Raeuber Madej. Helsinki: Suomalainen tiedeakademia, 1927. 332 S.

логия основывается на теории сказки, разработанной Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым, Е.С. Новик и Д.М. Сегалом. Первым опытом ее применения для построения типологии конкретного сказочного типа стала наша статья о жене ужа [Каяниди 2020]. Об актуальности структурно-семиотических исследований свидетельствует выход в свет второго, дополненного, издания монографии «Структура волшебной сказки» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2023]. Вторая цель нашего исследования – рассмотрение генезиса сюжета о кумовой кровати в средневековой западноевропейской и древнерусской литературе, а также иконописи XV–XVI вв. и установление соответствия между структурно-семиотическими и историко-генетическими особенностями сюжета о разбойнике Мадее.

В СУСе представлено 35 текстов, атрибутированных 756В (девять русских, шесть белорусских и 23 украинских). Корпус текстов СУСа был дополнен в начале XXI в. тремя белорусскими сказками, собранными в Гродненской области Е.М. Боганевой и Т.Б. Варфоломеевой, а также одним сибирским текстом, опубликованным В.С. Кузнецовой. К русским сказкам 756В следует также отнести одну из сказок Афанасьева, ошибочно атрибутированную как 756С. В общей сложности мы привлекли к анализу 31 сказочный текст (девять русских, девять белорусских и 13 украинских).

При составлении структурно-семиотической типологии сказок о мужике Мадее мы различаем инвариантную функционально-семантическую схему сюжета, ее вариации и варианты. Инвариант сказочного сюжета – это такая функционально-семантическая структура, которая является общей для подавляющего большинства сказочных текстов (более 80 %). Вариацией будем называть такие типы, где наблюдается то или иное отклонение от инвариантной схемы при сохранении ее базовых элементов, а вариантами – такие, в которых инвариантная схема претерпевает значительные изменения, но сохраняется структурно-содержательная общность единого сказочного типа. Базовым элементом, устоем сказок о мужике Мадее необходимо считать епитимью, которую герой, будучи великим грешником, выполняет, следуя совету человека святой жизни (монаха-пустынника, священника, часто ксендза). Эта епитимья скрепляет в единое целое как вариации, так и варианты сюжетного типа 756В.

Сюжетно-синтагматическая структура типа 756В и его описание в указателях сказочных сюжетов

В подавляющем большинстве случаев сказка о кумовой постели состоит из двух ходов (X_1 и X_2). Одноходовая структура

встречается восемь раз, чаще всего (четыре раза) в украинском репертуаре⁴, у русских – три раза⁵, у белорусов – один⁶. Причем в семи случаях одноходовая сказка 756В представляет собой второй ход, содержащий покаянное испытание разбойника Мадея, и лишь однажды (у Яворского) сказка ограничивается первым ходом, в котором происходит добывание договора с дьяволом в аду. В одном случае сказка о кумовой кровати называется трехходовой [Кузнецова 2003, с. 83–86]: первый ход – история героя, запроданного черту, второй – добывание сведений о кумовой кровати, а третий – покаянный искус великого грешника.

Оба хода двухходовой сказки 756В имеют одинаковую синтагматическую структуру. В ней выделяются три сюжетно-синтагматических блока: недовосхождение (– E – L), предварительное (ε λ) и основное испытание (E L). Наличие предварительного испытания является, как известно, жанрообразующим признаком волшебных сказок [Мелетинский, Неклюдов, Новик Сегал 2023, с. 55–56]. Однако конкретное семантическое наполнение блока предварительного испытания смещает данный сказочный сюжет в область сказок, основанных на религиозных легендах.

В СУСе дается, пожалуй, самое лапидарное описание сюжета о кумовой кровати. В этом описании учтено все, кроме предварительного испытания второго хода, содержанием которого становится, как правило, епитимья (*накута*) разбойника. Это «упущение», вероятнее всего, связано с одной из ключевых особенностей данного сюжетного типа – почти полным тождеством предварительного и основного испытания, которое мы описываем и анализируем ниже.

⁴ *Малинка А.Н.* Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов: Тип. Губ. земства, 1902. С. 305–306; *Кулиш П.А.* Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1857. С. 309–311; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Т. 1. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914. С. 326; *Яворский Ю.А.* Памятники галицко-русской народной словесности. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. С. 242–243.

⁵ Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 29: Третий этнографический сборник. Кострома, 1923. С. 11–13; *Афанасьев А.Н.* Народные русские легенды. М., 1859. С. 90–91; *Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1884. С. 297.

⁶ *Federowski M.* Lud bialoruski na Rusi Litewskiej. Т. 2. Krakow, 1902. С. 252–253.

Таблица 1

Сравнение сюжетно-синтагматической структуры 756В
с описанием сказки в СУСе

Сюжетно-синтагматические блоки	Описание сказочного типа 756В в СУСе
X1 (– E – L)	Ребенок запродан черту
X1 (ε λ)	обращается за помощью к куму сатаны (разбойнику)
X1 (E L)	добывает в аду расписку
X2 (– E – L)	кум узнает об ожидающей его страшной кровати
X2 (ε λ)	
X2 (E L)	кум сатаны кается и получает прощение

Таблица 2

Сравнение сюжетно-синтагматической структуры 756В
с описанием сказки в АТУ

Сюжетно-синтагматические блоки	Описание сказочного типа 756В в АТУ
X1 (– E – L)	A boy who intends to become a priest has been sold to the devil by his parents before birth
X1 (ε λ)	When the boy becomes aware of this contract he first asks a priest, then a bishop, and finally the pope for advice. The boy wants to go to hell in order to dissolve the contract, and the pope sends him to a hermit. The hermit directs him to his brother, a robber.
X1 (E L)	The robber takes him to hell. In hell the boy obtains his contract (after many efforts to persuade the devil) and sees the fiery bed (chair) prepared for the robber. The boy returns from hell and becomes a priest.
X2 (– E – L)	In anticipating his punishments...
X2 (ε λ)	the robber decides (is told) to do penance until his dry staff puts forth fresh blooms and fruit.
X2 (E L)	Assured of forgiveness, he dies happy and goes to heaven

Сопоставление таблиц 1 и 2 делает очевидным различие описания сюжета 756В в АТУ и в СУСе. Помимо большей обстоятельности, к таким отличиям можно отнести описание покаянного подвига героя, который является основным содержанием предварительного испытания. Кроме того, в АТУ гораздо обстоятельнее дано описание предварительного испытания первого хода, которое представляет собой посещение героем вереницы помощников, приводящее к брату отшельника – разбойнику. В восточнославянской традиции отсутствует один яркий мотив, который располагается в финальной части второго хода: *The hermit is astonished but reconciles himself to God's judgment (blasphemes God and is damned)*.

Особенностью описания рассматриваемого сказочного сюжета в указателе Березкина–Дувакина⁷ является почти полная элиминация первого хода, контаминация второго хода с типом 756С и «невнимание» к предварительному испытанию второго хода.

Таблица 3

Сравнение сюжетно-синтагматической структуры 756В
с описанием сказки в указателе Березкина–Дувакина

Сюжетно-синтагматические блоки	Описание сказочного типа 756В у Березкина–Дувакина
X1 (– E – L)	
X1 (ε λ)	
X1 (E L)	От человека, посетившего ад (встретившегося с божеством)...
X2 (– E – L)	разбойник узнает о своей будущей участи...
X2 (ε λ)	
X2 (E L)	со смирением принимает неизбежность загробного воздаяния и в конце концов спасен. Обычно разбойнику противопоставлен наказанный за гордыню самоуверенный праведник

Андреев предложил свой вариант структурно-мотивной схемы сказки о разбойнике Мадее⁸. Он выделил в ней четыре основных

⁷ Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 10 янв. 2024).

⁸ Andrejev N.P. Op. cit.

эпизода. Первый эпизод – запродажа героя черту. Он соответствует блоку недостачи первого хода: $X_1 (-E - L)$. Второй эпизод включает в себя отпавку героя за договором с чертом, встречу запроданного героя с разбойником Мадеем, посещение ада с помощью либо по указанию разбойника, возвращение обратно и рассказ о Мадеевом ложе. Эта часть, выделенная Андреевым, охватывает предварительное и основное испытания первого хода, а также блок недостачи второго хода: $X_1 (\epsilon \lambda)$, $X_1 (EL)$, $X_2 (-E - L)$. В третьем эпизоде, по Андрееву, разбойник Мадей раскаивается в своих делах, совершает покаяние и получает искупление. Тут совмещаются предварительное и основное испытания второго хода: $X_2 (\epsilon \lambda)$, $X_2 (EL)$. Четвертая часть сюжета, описанная Андреевым, включает в себя эпизод с отшельником, который посылал юношу, героя первого хода, к разбойнику Мадею, своему брату. Этому отшельнику, который считает себя самого безгрешным, не нравится оправдание Мадея. Он возмущается оказанной великому грешнику милостью и в качестве наказания должен за свое самоуверенное поведение переносить уготованное разбойнику наказание. Этот эпизод отсутствует в восточнославянских сказках о кумовой постели. Сам Андреев считал его не связанным с основной сюжетной линией 756B, а потому факультативным. Из 246 текстов, привлеченных Андреевым, четвертая часть сюжета присутствует только в 17 текстах⁹. Хаушилд, следуя ATU, считает этот эпизод контаминацией с 756A The Self-Righteous Hermit и 756C The Two Sinners¹⁰. Место четвертого эпизода, выделенного Андреевым, в общей функционально-семантической схеме 756B требует дополнительного исследования с привлечением текстов, принадлежащих к другим ареалам. Однако мы можем предполагать, что эта четвертая часть скорее всего выполняет роль дополнительного испытания, где самодовольный отшельник выступает в роли ложного героя, задача которого, подобно фарисею из евангельской притчи, оттенить подлинность покаянного подвига разбойника Мадея: $X_2 (E' L')$.

Прежде чем приступить в описании структурных особенностей каждого из ходов сказки, остается очертить ареал распространения 756B. Сказка о разбойнике Мадее локализована главным образом в европейском регионе: Скандинавия, Прибалтика, Ирландия, Средняя, Центральная, Южная и Восточная Европа. Единичные записи зафиксированы в южной Сибири, Турции, Мексике и Аргентине.

⁹ Andrejev N.P. Op. cit. S. 160–163.

¹⁰ Hauschild C. Räuber Madej // Enzyklopädie des Märchens. Bd. 11. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. S. 337.

*Структурно-семантические особенности
первого хода 756В*

В первом ходе сказки о кумовой кровати протагонистом является молодой человек, будущий священник (часто – ксендз), который запродан родителями черту. Эта запродажа и становится недостатчей, определяющей первый ход.

Таблица 4

Инвариантно-вариативная функционально-семантическая схема
первого хода сказочного типа СУС 756В¹¹

– Е	– L	ε	λ	Е	L
Свое тов чужое Отец героя (реже мать) попадает в лес, в бо- лото Чужое тов свое <i>Черт</i> является женщине, которая запрода- ет своего ребенка – ($\alpha_1\beta_1^m$) Дай то, что дома не зна- ешь; <i>Живой –</i> <i>твой, мерт-</i> <i>вый – мой</i>	– L_3 Жизни героя грозит опасность – L_2 Герой (как пра- вило, он становит- ся ксен- дзом) должен принад- лежать сатане	Свое тов чужое Герой попадает в лес, где встречает разбой- ника $\alpha_1\beta_1^m$ <i>Дари-</i> <i>тель-по-</i> <i>мощник</i> <i>указыва-</i> <i>ет дорогу</i> <i>к раз-</i> <i>бойнику</i> <i>Мадею</i> $(\alpha_1\beta_1^m)^2 =$ <i>caus</i> → <i>oper</i> → <i>plus</i> Ксендз велит взять с собой в ад твер- дую (sic!) освящен- ную воду	λ_1 – ста- рец- пус- тынник, гробни- ца, тру- женик λ_1 – мать или сестра разбой- ника λ_1 – раз- бойник	Свое тов чужое Герой доби- рается до ада $(A_1B_1)^1$ <i>Действия</i> <i>героя в аду</i> <i>до появле-</i> <i>ния черта</i> <i>с распиской</i> <i>(кропит свя-</i> <i>той водой,</i> <i>строит цер-</i> <i>ковь и т. д.)</i> $(A_1B_1)^2 =$ Человечес- кое (юноша) дом нече- ловеческое (черт)	L_3 спа- сение юноши от черта L_2 распис- ка

¹¹ Обычным шрифтом в таблице представлены инвариантные элемен-
ты сказочного типа, а курсивом – вариации.

Окончание табл. 4

– E	– L	ε	λ	E	L
W = Нечеловеческое (черт) dom человеческое Ребенок запродан черту		$(\alpha, \beta_1^i)^1$ <i>Герой</i> <i>вступает</i> <i>в диалог</i> <i>с мате-</i> <i>рью или</i> <i>сестрой</i> <i>разбойни-</i> <i>ка</i> $(\alpha, \beta_1^i)^2 =$ inf → plus Герой рас- сказывает Мадею, что идет в ад <i>Свое тоу</i> <i>чужое</i> – <i>добира-</i> <i>ется до</i> <i>ада. Его</i> <i>отсыла-</i> <i>ют, пото-</i> <i>му что не</i> <i>пришло его</i> <i>время</i> $(\alpha, \beta_1^m)^3 =$ A₂B₂ <i>Служанка</i> <i>проклятой</i> <i>царицы</i> <i>дает со-</i> <i>вет пасти</i> <i>стадо и</i> <i>просить</i> <i>за службу</i> <i>трость</i>		Черта с распис- кой пытаются (либо грозят пытать) на кумовой постели, т. е. ложе, приго- товленном для разбой- ника Мадея	

Блок действий, ведущих к беде, в первом ходе включает в себя перемещение отца героя в «чужое» пространство (**свое тоу чужое**): он заблудился в лесу, его телега попала в болото, он сам

оказался в трясине, не может перебраться через реку либо потерпел кораблекрушение. Перемещение отца героя в «чужое» пространство может замещаться другим предикатом – *чужое тог свое*, который состоит во вмешательстве черта в человеческие дела. Как правило, оно заключается в сексуальной связи женщины, матери героя, с нечистой силой: женщина, на которую никто не обращает внимания, призывает черта и беременеет от него в бане¹²; «Хоть бы нечистый дух ко мне», – говорит женщина и вступает в связь с чертом¹³; эта связь возможна и без призыва¹⁴; бездетная купчиха соглашается отдать сына черту по достижении 17 лет¹⁵. Символическим алломорфом сексуальной связи с чертом может выступать передача ему кольца, которое оказывается знаком протеста против насильственного замужества¹⁶. Явление черта может быть связано с вовлечением самого героя в инцестуальную связь: черт опаивает бедного героя в лесу, представая в облике кума, и склоняет к инцесту с матерью, сестрой и кумой, обещая по три бочки золота¹⁷. Вместо сексуальной связи контакт с чертом может быть мотивирован нуждой в деньгах: разорившаяся барыня в обмен на деньги дает черту расписку, что через 25 лет ее сын будет принадлежать ему¹⁸.

Предикат *свое тог чужое* доминирует в блоке недостачи первого хода над предикатом *чужое тог свое*: последний наличествует только в девяти из 31 сказочного текста. Вместе с тем в русских сказках сексуально-договорные отношения матери героя с чертом явственно вытесняют попадание его отца в «чужое» пространство: предикат *свое тог чужое* в русских сказках вообще отсутствует. В белорусских же и украинских, напротив, маргинализирован контакт женщины с нечистой силой как источник возникновения недостачи. Эти структурно-семантические особенности соответствуют наблюдениям Андреева, который считал, что в русском типе 756В главной причиной возникновения недостачи является

¹² Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. С. 295.

¹³ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1915. С. 280.

¹⁴ Худяков И.А. Великорусские сказки. М., Л.: Наука, 1964. С. 190; Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. С. 50.

¹⁵ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 292.

¹⁶ Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. С. 158.

¹⁷ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 297.

¹⁸ Труды Костромского научного общества по изучению местного края. С. 11.

любовная связь с чертом, а в центрально-европейском типе недостача возникает неумышленно и связана с мотивом «отдай то, чего дома не знаешь»¹⁹.

Предикат *свое тов чужое* является инвариантным, а *чужое тов свое* – вариацией в рамках блока недостачи первого хода.

С этими предикатами непосредственно связан подвох черта и пособничество его жертвы ($-\alpha_1\beta_1^m$). Если происходит попадание отца героя в лес или в болото, подвох выражается формулой «Отдай то, что дома не знаешь»; если же черт является матери героя, то происходит осознанная купля-продажа юного героя, которая наиболее ярко выражается формулой «живой – твой, мертвый – мой».

Подвох с пособничеством венчается вредительством (**W**) и доминированием черта над людьми (**нечеловеческое dom человеческое**): герой запродан черту.

Недостача первого хода двоякая: с одной стороны, она состоит в том, что запроданному герою грозит гибель в аду ($-\mathbf{L}_3$), с другой – эта нависающая опасность материализуется в виде расписки, которую необходимо добыть ($-\mathbf{L}_2$).

Блок предварительного испытания включает в себя обретение волшебного помощника, который помогает герою добраться к черту. Первым инвариантным элементом здесь становится пространственное перемещение героя (**свое тов чужое**): в поисках черта герой попадает в лес. Вторым инвариантным элементом становится осведомительный диалог с разбойником ($\alpha_1\beta_1^i = \text{inf} \rightarrow \text{plus}$), который становится помощником героя и либо указывает путь в ад, либо сопровождает героя туда. Этот словесный контакт происходит в 17 сказках.

Между этими двумя структурно-сюжетными элементами предварительного испытания могут быть вставлены два вариативных элемента: $\alpha_1\beta_1^m$ и еще одно $\alpha_1\beta_1^i$.

Предписание и его исполнение ($\alpha_1\beta_1^m$) появляется в четырех текстах²⁰ и заключается в совете предпринять ряд действий, направленных на поиск разбойника Мадея. Наиболее развернуто $\alpha_1\beta_1^m$ представлена у Добровольского: старец-пустынник советует герою найти гробницу, кашлянуть возле нее и, когда она опустится, спросить, как снова стать христианином, а гробница, в свою очередь, дает указание пойти батраком к пруднику (алломорф Мадея); у Худякова труженик дает совет наняться к купцу (алло-

¹⁹ Andrejev N.P. Op. cit. S. 176, 201–203.

²⁰ Добровольский В.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 158; Худяков И.А. Указ. соч. С. 190; Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 293; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 281.

морф Мадея); у Садовникова два старца, которых посещает герой, дают совет идти к третьему, который и указывает, где находится Мадей; у Зеленина жена разбойника прячет героя, а затем показывает его мужу. Рассмотренный элемент предварительного испытания, ретардирующий обретение искомого помощника Мадея, имеет явную ареальную окраску: он свойствен русским сказкам либо сказкам русско-белорусского пограничья. Примечательно, что самый пространственный текст 756В, представленный у Глинского, обходится без подобной ретардации.

Второй вариативный элемент предварительного испытания ($\alpha_1\beta_1^i$) представляет собой осведомительный диалог между героем и матерью, сестрой или женой Мадея: герой рассказывает, что направляется в ад, и его оставляют в разбойничьем доме, чтобы он встретился с Мадеем. Этот словесный контакт происходит в пяти сказках.

В одной украинской сказке²¹ вслед за расспросом героя-искателя Мадеем ($\alpha_1\beta_1^i = \text{inf} \rightarrow \text{plus}$) может следовать эпизод, в котором юноша, добравшись до ада (**свое тов чужое**), изгоняется оттуда, потому что его время еще не пришло, и попадает к проклятой царице, на заборе которой насажены человечесьи черепа. Служанка этой царицы дает герою совет пасти стадо и требовать за службу трость ($\alpha_1\beta_1^m$). Эта трость становится средством, с помощью которого герой колотит чертей и добывает расписку (A_1B_1).

Еще в одной украинской сказке²² появляется новая разновидность предписания / исполнения ($\alpha_1\beta_1^m$), которая отличается от инвариантного посещения дарителей-помощников, предшествующего встрече с Мадеем: помощник героя, ксендз, велит взять с собой в ад твердую (sic!) освященную воду.

Основное испытание первого хода начинается с пространственного перемещения (**свое тов чужое**): герой оказывается в аду, как правило, без разбойника Мадея, но изредка вместе с ним²³. Андреев считал, что Мадей сопровождает героя первого хода в ад только в «русской» редакции 756В. И действительно, в украинских сказках, которые относятся Андреевым к «центрально-европейской» редакции, семантическим наполнением предиката **свое тов чужое** никогда не становится совместное путешествие в ад Мадея и героя, искателя договора с дьяволом.

²¹ Драгоманов М. Указ. соч. С. 406–410.

²² Яворский Ю.А. Указ. соч. С. 23.

²³ Добровольский В.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 160; Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 3. Витебск: Тип. Г.А. Малкина, 1887. С. 309; Худяков И.А. Указ. соч. С. 190; Труды Костромского научного общества по изучению местного края. С. 12; Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 294.

Вместе с тем такое семантическое наполнение появляется не только в русских сказках, но и в сказках восточной Белоруссии (Смоленская и Могилевская губернии).

Центральным моментом основного испытания становится борьба с чертом, у которого хранится расписка, и победа над ним (A_1B_1 = Человеческое (юноша) *dom* нечеловеческое (черт)): черт отдает расписку, только когда его пытаются на кумовой постели либо когда ему угрожают этой пыткой.

Этому финальному доминированию героя может предшествовать еще одна форма борьбы и победы. Она выражается в том, что герой вышибает двери или окна ада, который черти ввиду приближающегося героя закрывают на три замка, кропит святой водой либо ад в целом, либо Люцифера, висящего на железных цепях, осыпает ад освященной пшеницей, закладывает в преисподней фундамент костела, намечает место для часовни или поклонного креста. Примечательно, что эта промежуточная форма A_1B_1 совершенно отсутствует в русских сказках, семь раз она появляется в украинских сказках, дважды – в белорусских.

Финальное доминирование героя над чертями может быть представлено отличным от магистральной линии образом. Так, черти могут отдавать расписку только после того, как герой выдерживает кумову баню с железной бороной и веником из проволоки²⁴; герой бьет чертей палкой, добытой у проклятой царицы²⁵. Таковы вариации « A_1B_1 = Человеческое (юноша) *dom* нечеловеческое (черт)».

Первый ход 756В всегда заканчивается ликвидацией исходной неадаптации: герой добывает расписку, которая была дана его родителями черту (L_2), и это обеспечивает его спасение (L_3). В этом отличие первого хода от второго, который может иметь неблагоприятный конец.

Структурно-семантические особенности второго хода

Второй ход сказочного типа 756В является сюжетообразующим. Если без первого хода сказочный текст может быть представлен, то без второго – нет (за одним исключением), поскольку именно в нем присутствует то, что можно назвать устоем данного сказочного типа, – епитимья, с помощью которой герой, великий грешник, искупает свои грехи.

²⁴ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 296.

²⁵ Драгоманов М. Указ. соч. С. 408.

Структурно-семиотический анализ сказок о разбойнике Мадее позволяет поставить под сомнение наблюдение Кристиана Хаушилда о том, что «специфика AaTh 756B зиждется на логическом сопряжении двух сюжетных линий – возвращения расписки о душе (договора с чертом) и очищения великого грешника – путем встречи двух главных героев»²⁶.

То, что мы называем двухходовой структурой 756B, Андреев называл «длинной формой» сказки, а то, что мы называем одноходовой сказкой, где остается только история разбойника Мадея без запродажи юноши и без его путешествия в ад за договором с чертом, у Андреева получает название «короткой формы». По наблюдениям Андреева, короткая форма характерна для 54 из 246 записей сказок о разбойнике Мадее²⁷. Наши наблюдения указывают на соотношение 8/31.

Второй ход, как и первый, состоит из трех функционально-семантических блоков: недовосполнения (– E – L), предварительное (ε λ) и основное испытание (E L). Протагонистом здесь оказывается разбойник Мадей или Рах, который, узнав о грядущем наказании в аду, решает искупить свои грехи.

Таблица 5

Инвариантно-вариативная функционально-семантическая схема второго хода сказочного типа СУС 756B²⁸

– E	– L	ε	λ	E	L
<i>Свое тог чужое Раз- бойник от- правляется в ад, чтобы посмотреть на кумову постель</i>	– L ₃ Разбой- ника Ма- дея ждет в аду жестокое наказа- ние – кровать с брит- вами, ножами и т. д.,	<i>α, β₁ⁱ Разбойник Мадей расспраши- вает героя первого хода о своем пос- мертном наказании</i>	λ ₁ – ксендз	A ₂ B ₂ = α ₁ β ₁ ^m A ₂ B ₂ Разбойник исповедует- ся ксендзу. Каждый грех – упав- шее яблоко. Два послед- них – уби- тые отец и мать.	L ₃ Мадей очища- ется от грехов и спаса- ет душу

²⁶ Hauschild C. Op. cit. S. 335. Здесь и далее перевод иноязычных цитат принадлежит нам.

²⁷ Andrejev N.P. Op. cit. S. 183.

²⁸ Обычным шрифтом в таблице представлены инвариантные элементы сказочного типа, а курсивом – вариации.

Окончание табл. 5

– E	– L	ε	λ	E	L
Нечеловеческое (черт) дом человеческое Герой-разбойник подписался черту W Злодеяния разбойника	на которую капает горячая смола и под которой горит огонь	$(-\alpha_1)(-\beta_1)^m$ Разбойник убивает попов, которые отказались дать ему пакуту $\alpha_1\beta_1^m$ Герой первого хода советует пойти к старцу-пустыннику $\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$ Ксендз накладывает на разбойника пакуту – поливать дубину, которой он убивал людей, либо сухую или обгоревшую ветку		A₁B₁ 1. старец сам сжигает разбойника; 2. разбойник сам кончает с собой, ударившись о дуб; 3. разбойник обкладывает свой дом богородской травой, которая не подпускает к нему сатану.	– L₃ Разбойник Мадей не достигает покаяния

Блок недостачи второго хода необходимо признать редуцированным. Это можно приписать влиянию первого хода, в предварительном испытании которого зачастую содержится характеристика разбойника и его действий, которые делают необходимым сугубое покаяние. В блоке недостачи выделяется инвариантный элемент, им является $(-L_3)$: он обозначает желание избежать своей загробной участи – быть терзаемым на кумовой постели – обитом колющими и режущими предметами (гвоздями, лезвиями, топорами, косами) огненным ложе, на которое капает горячая жидкость. Страх посмертного наказания становится катализатором действия в 29 из 31 исследованного нами текста.

Этот инвариантный элемент может дополняться вариациями. Первая из них – предикат *свое тов чужое*: разбойник, которому запроданный герой, вернувшийся из ада, рассказывает о его посмертном мучении, лично отправляется в ад, чтобы посмотреть на кумову постель²⁹. Вторая и третья вариации являются сюжетными подпорками (– L_3). У Добровольского, Романова и Драгоманова речь идет о том, что разбойник (или мельник) подписался черту, объявлен кумом черта (держит его детей). Мы обозначаем это указание как доминирование черта над героем второго хода (*нечеловеческое (черт) дом человеческое*). У Романова к этому сказочному предикату добавляется еще вредительство (**W**): герой убил отца и мать и еще полтора ста душ. В ряде сказок³⁰ есть только вредительство: герой убивает отца и мать; калечит юношей и девушек; убивает своих родителей, которые решили его проучить; становится разбойником и убивает путников; режет старого и малого; убивает всех подряд.

Обязательным для второго хода является также наличие предварительного испытания. Именно в этом функционально-семантическом блоке обозначается епитимья разбойника Мадея, которая является краеугольным камнем сказочного типа 756В. Из 31 проанализированного текста это предварительное испытание отсутствует лишь в четырех³¹.

Инвариантным элементом предварительного испытания становится предписание и его исполнение ($\alpha_1\beta_1^m$). Этой формулой мы обозначаем епитимью (пакуту), которую накладывает на разбойника юный священник (ксендз), вернувшийся из ада с распиской, либо святой подвижник, либо гробница (sic!). Выполнение этой пакуты и становится содержанием основного испытания (A_2B_2). Предписание и исполнение, необходимые для обретения волшебного помощника, отождествляются с основным испытанием, представляющим собой исполнение

²⁹ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 296; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 281.

³⁰ Малинка А.Н. Указ. соч. С. 306; Етнографічний збірник. Том 14 / сост. В. Лесевич. Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 1904. С. 253; Кулиш П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 310; Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Т. 1. С. 326.

³¹ Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. С. 90–91; Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 295–297; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 280–282; Драгоманов М. Указ. соч. С. 50–51.

определенной задачи: $\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2^{32}$. После исполнения этой задачи в действие вступает помощник, который отпускает герою грехи (новая задача и ее решение A_2B_2).

Предварительное испытание сказки о разбойнике Мадее включает в себя одну необычную пару функций. В поисках волшебного помощника герой-разбойник посещает нескольких попов, которые отказываются от просьбы дать ему достойную епитимью и погибают от рук разъяренного протагониста³³. Используя номенклатуру, представленную у Мелетинского, мы предлагаем ввести новую формулу для обозначения этой своеобразной сказочной коллизии: $(-\alpha_1)(-\beta_1)^m$. Отказ дарителя дать герою предписание $(-\alpha_1)$ приводит к тому, что происходит действие, негативно-обратное исполнению предписания $(-\beta_1)$: герой уничтожает потенциального дарителя за отказ выполнять свою миссию. Мы рассматриваем эту необычную пару функций как вариацию предварительного испытания.

Еще одной вариацией предварительного испытания является осведомительный диалог разбойника с праведником или ксендзом $(\alpha_1\beta_1^i)$: герой-разбойник либо просто вступает в диалог с праведником³⁴, либо расспрашивает ксендза, что он видел в аду³⁵, либо исповедуется³⁶.

³² Эта структурная особенность имеет свои аналогии в классическом эпосе. Так, то же самое отождествление предварительного испытания и основного мы находим в «Одиссее». Волшебница Кирка обстоятельно рассказывает Одиссею, какие испытания и каким образом он должен преодолеть (остров Сирен, бродячие скалы, Сцилла и Харибда, быки Гелиоса). Последующее описание событий в точности совпадает со словами Кирки. В эпосе это можно рассматривать как проявление формульного стиля, однако в сказке данные части теста не клишированы.

³³ Романов Е.Р. Указ. соч. Вып. 3. С. 310; Етнографічний збірник. Том 14. С. 253; Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. С. 93–94; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 326; Кулиш П.А. Указ. соч. Т. 2. С. 310.

³⁴ Gliniski A.J. Bajarz polski. Zbior basni, powiesci i gawed ludowych. Т. 4. Wilno: W drukarni Gubernialnej, 1853; Federowski M. Op. cit. Т. 2. С. 252–253.

³⁵ Етнографічний збірник. Т. 3 / сост. В. Гнатюк. Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 1897. С. 122–123; Етнографічний збірник. Т. 9 / сост. В. Гнатюк. Львів: Етнографічна комісія Наукового Товариства імені Шевченка, 1900. С. 33–34; Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 3. Гродзенскае Панямонне. Кн. 2 / А.М. Боганева [і інш.]; агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Выш. шк., 2006. С. 333–336.

³⁶ Остапчук В. Народные песни, сказания, сказки и проч. // Живая старина. 1902. Вып. 3–4. С. 466–467; Труды Костромского научного общества по изучению местного края. С. 12–13.

У Добровольского появляется промежуточное предписание ксендза – идти к старцу-пустыннику ($\alpha_1\beta_1^m$).

Основное испытание второго хода держится на выполнении задачи, которую дал герою-разбойнику человек святой жизни. Такой задачей становится епитимья, состоящая, как правило, в необходимости поливать яблоневую булаву, которой герой убивал людей, либо сухой (обгоревший) черенок: $\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$. Содержание епитимьи может быть своеобразным. Так, у Федеровского необходимо встать на Мадеево ложе, т. е. преодолеть страх перед ним; у Худякова великому грешнику необходимо купить на все свои деньги дров, сжечь их и, лежа на тлеющих углях, каяться в своих грехах.

С выполнением епитимьи тесно связана еще одна пара функций A_2B_2 , обозначающих исповедь герой перед ксендзом, во время которой с дерева сваливаются яблоки (либо, напротив, взлетают вверх, иногда в виде голубей). Эта пара функций обнаруживается в 20 текстах и имеет ареальную окраску: она характерна только для белорусских и украинских сказок, в русских сказках она отсутствует.

К числу вариаций следует также отнести гибель героя ($-L_3$), который превращается в камень, так как не сумел оплакать свой третий грех³⁷.

Основное испытание второго хода содержит ряд вариантов, которые описываются общей формулой A_1B_1 , но имеют разное содержательное наполнение: 1) старец сам сжигает разбойника³⁸; 2) герой сам кончает с собой, ударившись о дуб³⁹; 3) разбойник обкладывает свой дом богородской травой, которая не подпускает к нему сатану⁴⁰.

Варианты сказочного типа 756В

Склонность к вариативности проявляют сюжетные структуры русских сказок о разбойнике Мадее. По всей видимости, эта тенденция к трансформации инвариантной структуры связана с тем, что русские сказки находятся на восточной границе ареала распространения 756В. Аналогичное явление наблюдается на западе Европы, где происходит контаминация 756В с 746А, приводящая

³⁷ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 297.

³⁸ Там же. С. 295; Романов Е.Р. Указ. соч. Вып. 3. С. 312.

³⁹ Драгоманов М. Указ. соч. С. 51.

⁴⁰ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 297.

к появлению эпизода с гордым отшельником, который возмущается оправданием Мадея⁴¹.

Признаком принадлежности сказочного текста к варианту в рамках 756В может рассматриваться отсутствие того, что мы называем сказочным устоем, – епитимьи, которую выполняет разбойник ($\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$). Как правило, отсутствие этого сюжетообразующего элемента наблюдается в тех случаях, где сказки состоят лишь из одного хода. Из восьми одноходовых сказок только в одной (у Малинки) сюжетная структура повторяет инвариантную схему второго хода 756В. В остальных одноходовых сказках мы сталкиваемся с той или иной деформацией структурного ядра сказочного типа. Экстремальным случаем подобной деформации становится полная элиминация второго хода. Такой случай наблюдается, правда, лишь однажды⁴². Еще в трех случаях мы имеем стандартную двухходовую структуру, в которой при клишированном первом ходе второй ход демонстрирует существенное отклонение от инварианта⁴³. Самый редкий вариант 756В представлен у Афанасьева⁴⁴: там второй ход является привычным, содержит базовый элемент сказочного типа (епитимью и ее исполнение), а вот первый ход является не историей путешествия ксендза в ад, где находится кумова постель, а историей инцеста героя, которая приводит к возникновению недостачи второго хода – греховности героя.

Рассмотрим каждый вариант по отдельности.

У Афанасьева и Ширского наблюдается совмещение традиционных элементов первого и второго хода 756В в рамках одноходовой структуры.

Так, у Афанасьева недостачей выступает крайняя бедность героя (– **ten**). Мужик начинает заниматься колдовством и заводит дружбу с чертями (**нечеловеческое dom человеческое**). Сношения с чертями обуславливают греховность героя (– **L₃**). Однако в данном случае греховность не становится катализатором действия, она представлена чисто описательно и не провоцирует сюжетно значимых действий. Черти переносят мужика в богатые каменные хоромы, где играют свадьбу его сына с пьяной девицей, прислужницей дьявола (**человеческое mov нечеловеческое**). В этой части сказки и появляются элементы первого хода: расписка (– **L₂**) и пытка черта, скрывающего эту расписку у себя (**A₁B₁**). Однако эти элементы лишены того сюжетного значения, которое

⁴¹ Andrejev N.P. Op. cit. S. 160–163.

⁴² Яворский Ю.А. Указ. соч. С. 242–243.

⁴³ Драгоманов М. Указ. соч. С. 50–51; Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 280–282; Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 295.

⁴⁴ Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. С. 91–94.

они имеют в первом ходе. Их появление мотивировано тем, что сатана хочет подарить своему куму расписку на душу другого человека, и черта пытаются, чтобы эту расписку получить. Другими словами, в сказке Афанасьева мы встречаемся с рудиментами – L_2 и A_1B_1 , которые не играют той роли, как в остальных сказках данного типа. Вместе с тем без этих рудиментов текст Афанасьева теряет всякую связь с 756В.

После того как черт выдает расписку, в сказке и обозначается реальная недостача (– L_3): мужику грозит кумова постель, которую он просит показать после того, как черт ее испугался. Особенность сказки Афанасьева состоит в том, что ликвидации недостачи не происходит. Мужик убегает от чертей (– ab), но остается обреченным на вечное мучение. Смысл сказки в том, что от своей судьбы не уйдешь.

Таблица 6

Функционально-семантическая схема
сказки «Кумова кровать»⁴⁵

– E	– L	ε	λ	E	L
– TEN (как хлеба добывать?) Нечеловеческое dom человеческое Мужик стал заниматься колдовством	– L_3 Мужику грозит кумова кровать			Человеческое пов нечеловеческое = ab – Кума сатаны переносят в богатые каменные хоромы, чтобы сыграть свадьбу его сына Рудименты первого хода: – L_2 (расписка), A_1B_1 (пытка черта) – ab Мужик убегает, после того как увидел кумову кровать	– L_3 Спасение от кумовой кровати не удается добиться. Мужик обречен на посмертное мучение.

⁴⁵ Там же. С. 90–91.

Инициальная часть сказки Ширского развивается как первый ход 756В. Барыня запродаает черту сына, который должен через 25 лет принадлежать сатане ($-\alpha_1\beta_1^m$). Мотивирована эта запродажа отсутствием денег ($-\text{ten}$). Герой отправляется на поиски расписки ($-\text{L}_2$). Через промежуточных волшебных помощников, которым он исповедуется ($\alpha_1\beta_1^i$) (священника, епископа), герой попадает к старцу-отшельнику, дающему ему предписание, исполнение которого совпадает с решением задач в основном испытании ($\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$): кум сатаны (его зовут страх-разбойник) должен украсть у черта эту расписку, чтобы спастись самому и спасти героя.

Герой приходит в громадный каменный дом, навевающий страх (**свое mov чужое**), и рассказывает разбойнику о наставлении старца ($\alpha_1\beta_1^i = \text{inf} \rightarrow \text{plus}$). Оказавшись в аду, кум сатаны просит отдать ему расписку на сына вдовы, чтобы продлить ее на пять лет, исполняя таким образом предписание старца. Формально мы имеем здесь дело с базовым элементом второго хода и сказочного типа 756В в целом ($\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$). Однако наполнение его не имеет к епитимье никакого отношения. Религиозный смысл испытания замещается авантюрным, получающим продолжение в финале сказки: герои бегут к старцу (**чужое mov свое = - ab**), который сжигает расписку и дает героям крестики против нечистой силы (A_1B_1).

Итак, вариативность сказки Ширского состоит 1) в совмещении в рамках одноходовой структуры традиционных элементов первого и второго ходов 756В, 2) в наполнении базового элемента сказки о кумовой постели не религиозным (епитимья), а авантюрным смыслом (кража расписки).

Полностью лишена даже элементов первого хода 756В сказка Федеровского. Здесь греховность героя обозначается в самом начале как недостача ($-\text{L}_3$). Герой сам накладывает на себя пакуту, которая заключается в посещении подземного мира. При встрече с волшебным помощником-праведником герой вступает с ним в осведомительный диалог ($\alpha_1\beta_1^i$): «Куда идешь, человек?» – «В пекло». Так же, как в сказке Ширского, у Федеровского присутствует базовый элемент сказки 756В – тождество предварительного и основного испытаний ($\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$), но содержательно-сюжетное наполнение этого испытания тоже оказывается не религиозным, а скорее героическим. Сначала черти ставят героя рядом с огнем и запрещают идти (**caus $\rightarrow$ (- oper) $\rightarrow$ plus**). Он ступает – огня нет. Черти ставят героя перед Мадеевым ложем и говорят не ступать (**caus $\rightarrow$ (- oper) $\rightarrow$ plus**), он идет, и ничего не происходит. Таким образом, суть испытания заключается в проверке смелости героя и его неверия нечистой силе.

Таблица 7

Функционально-семантическая схема
сказки «Кумова кровать»⁴⁶

– E	– L	ε	λ	E	L
– ten денег Сына родного лучше бы отдала тому, кто бы мне де- нег достал – ($\alpha_1\beta_1^m$) В обмен на деньги бары- ня дает расписку черту, что через 25 лет ее сын будет при- надлежать черту	– L_2 рас- писка – L_3 Куму сатаны грозит кумова крово- вать	$\alpha_1\beta_1^i$ Герой испове- дуется сначала священнику, потом епископу. $\alpha_1\beta_1^m$ Епископ посы- ляет его к стар- цу-пустыннику $\alpha_1\beta_1^i$ Герой расска- зывает о своем деле старцу. $\alpha_1\beta_1^m = A_2B_2$ Кум сатаны (страх-разбой- ник) должен ук- расть у сатаны эту расписку, тогда он спасет- ся и поможет спастись юноше. Во время бег- ства от сатаны нужно бросить старцу палочку Свое тов чу- жое Герой приходит в громадный каменный дом, в который страшно войти. $\alpha_1\beta_1^i$ Юноша расска- зывает разбой- нику о наставле- нии старца	λ_1 свя- щен- ник, епис- коп, ста- рец-от- шель- ник, кум сатаны	$A_2B_2 = \alpha_1\beta_1^m$ Кум сатаны просит у черта дать расписку на сына вдовы, чтобы про- длить ее на пять лет. Чужое тов свое = – ab Герои бегут к старцу. A_1B_1 Старец сжи- гает расписку и дает героям крестики	L_2 L_3

⁴⁶ Труды Костромского научного общества по изучению местного края. С. 11–13.

Таблица 8

Функционально-семантическая схема
сказки Федеровского⁴⁷

– E – L	ε	λ	E	L
– L ₃ = – ten прощение грехов	Свое mov чужое Герой накладывает сам на себя пакуту – спуститься в ад (через locha) $\alpha_1\beta_1^i$ Куда идешь, человек? – В пекло. $\alpha_1\beta_1^m =$ A_2B_2 Куда тебя черти будут вести, туда ты иди, ибо, если не послушаешь, сгинешь	λ_1 праведник	Свое mov чужое $\alpha_1\beta_1^m =$ A_2B_2 Черти ставят героя рядом с огнем и заставляют идти (caus → (– oper) → plus). Он ступает – огня нет. Черти ставят героя перед Мадеевым ложем и говорят не ступать (caus → (– oper) → plus), он идет, и ничего не происходит	ten = L₃ Героя выбрасывают из ада, после смерти он отправляется в рай

В сказке Садовникова, как и у Афанасьева, мы встречаемся с элиминацией базового элемента 756В. Вместе с тем у Садовникова есть первый ход, герой которого посещает ад (выше мы описывали особенности этого первого хода). Второй ход имеет две особенности, которые превращают его в вариант 756В: отсутствие предварительного испытания и религиозно-магический характер испытания основного. Увидев в аду кумову кровать, Рах-разбойник возвращается на землю и обкладывает вокруг своего дома богородскую траву, которая не подпускает сатану (A_1B_1). «Богородская трава», т. е. тимьян или чабрец, получила свое название потому, что исцелила саму Богородицу. Травы, освященные в главный богородичный праздник – Успение, обладали апотропеическими свойствами⁴⁸. Затем Рах-разбойник произносит молитву:

⁴⁷ Federowski M. Op. cit. T. 2. С. 252–253.

⁴⁸ Агапкина Т.А. Успение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.:

«Господи, не Христу бы так маяться, а мне, разбойнику». Эти слова почти дословно воспроизводят слова благоразумного разбойника, сказанные разбойнику нечестивому (Лк. 23: 41). О связи фольклорного разбойника с евангельским благочестивым разбойником мы подробно говорим ниже, а в данном месте аллюзия к Евангелию имеет значение как признак раскаяния героя в грехах. Таким образом, данная молитва сближается с традиционным наполнением основного испытания второго хода 756В – исповедью героя (A_2B_2). Завершается сказка Садовникова спасением Раха (L_3): Господь услышал голос Раха и душ, которые он погубил, и вознес их всех на небо.

Таблица 9

Функционально-семантическая схема второго хода
сказки «Рах разбойник»⁴⁹

– E	– L	ε	λ	E	L
Свое mov чужое Рах отправляется к сатане, чтобы посмотреть на кумову баню	– L₃ Спасение души			A₁B₁ Рах обкладывает вокруг своего дома богородскую траву, которая не подпускает сатану A₂B₂ Молитва «Господи, не Христу бы так маяться, а мне, разбойнику». Человеческое (Рах) dom нечеловеческое (черти)	L₃ Спасение Раха

Международные отношения, 2012. С. 380; У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / сост. О.В. Белова., Г.И. Кабакова. М.: ИСЛ РАН; Форум; Неолит, 2014. С. 224.

⁴⁹ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 295–297.

У Зеленина, как и у Садовникова, первый ход абсолютно стандартный, а второй вариативный. В нем отсутствует предварительное испытание, а основное не связано с епитимьей, хотя наделено аскетическими чертами. После того как Арвизон (так зовут разбойника) посещает ад и видит кумову кровать, он начинает каяться и терпит добровольные страдания (ему отпиливают руки и ноги) (A_2B_2), за что он и получает спасение (L_3).

Таблица 10

Функционально-семантическая схема второго хода
сказки [«Кумова кровать»]⁵⁰

– E	– L	ε	λ	E	L
Свое тов чужое Арвизон отправляет в ад посмотреть кумову кровать	– L_3 Спа- сение души			A_2B_2 Арвизон кается, терпит страдания (ему отпиливают руки и ноги)	L_3 Спа- сение души

У Драгоманова первый ход тоже остается традиционным, а второй приобретает оригинальные черты, которые делают его вариантом 756В. Таких черт две: отсутствие предварительного испытания и совершенно своеобразное основное испытание. Чтобы избавиться от власти черта, кум сатаны созывает всех чертей на пир и кончает с собой, ударившись о дуб, чтобы черти не схватили его душу (A_1B_1).

Таблица 11

Функционально-семантическая схема второго хода
сказки «Чертов сын и чертова кума кровать»⁵¹

– E	– L	ε	λ	E	L
Нечелове- ческое дом человечес- кое Крестный отец – кум черта	– L_3			A_1B_1 Крестный созы- вает всех чертей на пир и кончает с собой, уда- рившись о дуб, чтобы черти не схватили душу	L_3

⁵⁰ Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. С. 280–282.

⁵¹ Драгоманов М. Указ. соч. С. 50–51.

У Афанасьева мы встречаемся с совершенно своеобразным первым ходом при сохранении традиционного второго. Недостачей здесь является отсутствие денег. Герой взбирается на гору, с которой поднимается дым: там стоит горшок с золотом (**свое mov чужое**). Некий голос сообщает герою, что воспользоваться сокровищами он сможет, только вступив в связь с матерью, сестрой и кумой ($\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}$). Герой рассказывает матери о своей находке ($\alpha_1\beta_1^i = \text{inf} \rightarrow \text{plus}$), и она выступает его «помощником»: опоив сына, она вступает с ним в связь и привлекает также свою дочь и куму (A_2B_2). В результате герой получает право обладать золотом, но отказывается от него, желая избавиться от греха. Итак, первый ход афанасьевской сказки выполняет служебную роль для второго: в нем происходит прегрешение героя, которое затем искупается с помощью традиционной для 756В епитимьи.

Таблица 12

Функционально-семантическая схема второго хода
сказки «Грех и покаяние»⁵²

– E	– L	ε	λ	E	L
	– ten денег = – L₂	Свое mov чужое Герой взбирается на гору, с которой поднимается дым. Там стоит горшок с золотом $\alpha_1\beta_1^m = \text{caus} \rightarrow \text{oper} \rightarrow \text{plus}$ Не трогай золото, пока не согрешишь с матерью, сестрой и кумой $\alpha_1\beta_1^i = \text{inf} \rightarrow \text{plus}$ Мать героя узнает, что он нашел золото и какое условие необходимо выполнить, чтобы им обладать	λ_1 волшебный голос λ_1 мать	A₂B₂ Героя напоили, и он согрешил	ten денег = L₂ Герой получает право обладать золотом, но отказывается от него, желая избавиться от греха

⁵² Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. С. 91–94.

Первый ход у Афанасьева изоморфен блоку недостачи ($-E - L$) в сказке Садовникова⁵³. Недостача у Садовникова включает в себя подвох и пособничество ($-\alpha_1\beta_1^m$). Черт предстает в облике кума бедного шабера. Пока настоящий кум в кабаке, черт выпивает в лесу вместе с героем и просит его согрешить с матерью, сестрой и кумой (**нечеловеческое dom человеческое**). За каждый инцест герой получает по бочке денег, а затем искупает свои грехи с помощью епитимьи.

Единственная сибирская запись 756В, опубликованная В.С. Кузнецовой, состоит не из двух, а из трех ходов. Первый ход содержит описание путешествия героя в ад за распиской и почти идентичен инвариантной сюжетной схеме. Одной из его особенностей является осведомительный диалог запроданного юноши с дочерью чародея ($\alpha_1\beta_1^i$): дочь чародея расспрашивает героя, почему он оказался в пещере. Тот говорит, что решил «мытарить», лишь бы не принадлежать черту. Другая особенность первого хода – доминирование над чертом с помощью расписки кровью, фиксирующей его обещание выполнить просьбу чародея (A_1B_1).

Второй ход задается недостачей сведений о кумовой кровати ($-\text{ten}$). Дочь чародея спрашивает у вернувшихся из ада героев, что такое кумова кровать. С целью узнать о ней герои возвращаются в ад (**свое mon чужое**) и заставляют черта дать расписку с обещанием выполнить просьбу чародея (A_1B_1). Черт показывает кумову кровать – раскаленную борону, по которой ползает младенец – душа чародея (**ten**).

Третий ход содержит описание очистительного подвига великого грешника, которым в данном контексте оказывается чародей. В целом это соответствует традиционному второму ходу 756В. Однако сюжетообразующий элемент сказки о кумовой кровати – епитимья великого грешника – оказывается в Сибири существенно иной. Начинается третий ход с утверждения необходимости спасения героя-чародея ($-\text{L}_3$), который во втором ходе воочию увидел свое загробное наказание. Волшебный помощник, которым оказывается дочь чародея, обретается с помощью довольно редкой пары функций – вызов / согласие ($\alpha_2\beta_2$). Дочь чародея адресует ему вопрос: согласен ли он спасти свою душу? Чародея привязывают к березе на 40 дней: из него выползают мыши, крысы и прочие гады (A_1B_1). Затем некий старичок причащает чародея (A_1B_1). В результате его душа оказывается спасена (L_3).

⁵³ Садовников Д.Н. Указ. соч. С. 297.

Таблица 13

Функционально-семантическая схема
сибирской сказки <Кумова кровать>
[Кузнецова 2003, с. 83–86]

– E	– L	ε	λ	E	L
X₁					
Свое тов чужое Возвращаясь домой, отец героя оказывается у озера, откуда выходит черт W = Нечеловеческое dom человеческое Герой запро- дан черту	– L ₃ Герой должен принадлежать черту – L ₂ = – ten распис-ка	Свое тов чужое Герой приходит в пещеру α₁β₁ⁱ Дочь чародея распра- шивает героя, почему он оказался в пеще- ре. Тот говорит, что решил «мыта- рить», лишь бы не прина- длежать черту	λ ₁ дочь чаро- дея λ ₁ чаро- дей	Свое тов чужое Юноша и чародей оказываются в аду A₁B₁ Черт рас- писывается кровью, что выполнит просьбу чародея A₁B₁ Черта с распиской кладут на ку- мову кровать	L ₃ Герой спасен L₂ = ten распис-ка
X₂					
	– ten све- дений о ку- мовой кровати Дочь чародея спра- шивает, что такое кумова кровать			Свое тов чужое Юноша и чародей оказываются в аду A₁B₁ Черт рас- писывается кровью, что выполнит просьбу чародея	ten све- дения о ку- мовой кровати (раска- ленная боро- на, по которой ползает младе- нец)

Окончание табл. 13

– E	– L	ε	λ	E	L
X₃					
	– L ₃ Спа- сение души	α₂β₂ Согла- сен ли чародей спасти душу?	λ₁ дочь чаро- дея	A₁B₁ Чародея привязы- вают к березе на 40 дней: из него выпол- зают мыши, крысы и прочие гады. A₁B₁ Некий старичок причащает чародея	L₃ Чародей спасен

Наконец, в восточнославянском ареале выделяется один текст, который содержит только первый ход 756В – историю запродажного черту юноши. Сюжет сказки Яворского в целом довольно стереотипен и почти полностью соответствует инварианту первого хода 756В. Отклонения от стандартной схемы сюжета только два. Первое состоит в том, что в блоке недостачи запродаже юноши ($-\alpha_1\beta_1^m$) предшествует выведывание / выдача ($-\alpha_1\beta_1^i$): черт расспрашивает отца героя, бедняка, куда он идет, и тот отвечает – искать смерти. Вторая особенность сказки Яворского – функционально-семантическое наполнение блока предварительного испытания. Юноша-семинарист рассказал ксендзу о том, что запродажен черту ($\alpha_1\beta_1^i$), и ксендз становится его помощником, дающим кропило и богослужебные книги.

Таблица 14

Функционально-семантическая схема
сказки «Запродажный черту»⁵⁴

– E	– L	ε	λ	E	L
– ten У бедняка нет денег – (α₁β₁ⁱ) Кривой пан спрашивает у бедняка, куда он идет, а он говорит: искать смерти.	– L ₂ = – ten распис- ка – L ₃	α₁β₁ⁱ Юноша- семи- нарист рассказал ксендзу о том, что запродаж черту.	λ₁ – ксендз дает герою кропило и бо- гослу- жебные книги	A₁B₁ Герой кро- пит ад, и кривой черт от- дает ему расписку	L₂ = ten распис- ка L₃

⁵⁴ Яворский Ю.А. Указ. соч. С. 242–243.

Окончание табл. 14

– E	– L	ε	λ	E	L
– ($\alpha_1\beta_1^m$) Запиши мне того, чего в тво- ем доме нет W = Нечеловечес- кое (черт) дом человеческое Ребенок запро- дан черту					

*«Разбойник Мадей»,
европейско-средневековая
и древнерусская литературная традиция*

Андреев предложил следующую гипотезу происхождения и распространения сюжета 756В⁵⁵. Сказка о разбойнике Мадее возникает в Средние века во Франции или у кельтских народов, населявших Бретань. Андреев назвал эту редакцию «западной». Для нее характерны три особенности: 1) запродажа героя происходит преднамеренно (любовная связь с нечистой силой) или непреднамеренно («отдай то, чего дома не знаешь»), 2) покаянный подвиг героя состоит в том, что он доводит себя до смерти, 3) наличие четвертого эпизода – зависть самоуверенного праведника по отношению к прощенному великому грешнику⁵⁶.

«Западная» редакция сказки о разбойнике Мадее вытесняется «центрально-европейской», которая распространена в Польше и в Западной Украине. Для нее свойственны следующие черты:

⁵⁵ Andrejev N.P. Op. cit. S. 216–218.

⁵⁶ Эта четвертая часть сюжета позволила Дитцу-Рюдигеру Мозеру выдвинуть тезис о том, что 756В является переосмыслением евангельской притчи о мытаре и фарисее, которая легла в основу многих христианско-дидактических произведений, распространенных в эпоху Контрреформации [Mosser 1981, S. 480–483]. Восточнославянские сюжеты 756В совершенно точно имеют мало общего с притчей о мытаре и фарисее, да и западноевропейские записи сближаются с ним лишь тогда, когда в них есть эпизод с высокомерным отшельником, а это, напомним, все лишь одна из пяти записей. Вместе с тем в наблюдениях Мозера для нас примечательно, что он тоже относит возникновение 756В к XV–XVI вв.

1) запродажа героя черту происходит непреднамеренно («отдай то, чего дома не знаешь»), 2) запроданный герой становится священником, 3) он самостоятельно, без помощи Мадея возвращает себе расписку и 4) на обратном пути накладывает на разбойника епитимью⁵⁷.

На восточной границе ареала распространения 756В формируется «русская» редакция, для которой, по Андрееву, характерна 1) преднамеренная запродажа героя первого хода (в результате проклятия либо любовной связи матери с чертом), 2) совместное путешествие Мадея с запроданным героем в ад, 3) самостоятельное знакомство разбойника с тем, какое наказание его ждет в аду, и 4) мучительная смерть⁵⁸.

Ареальное распространение сказок о разбойнике Мадее не оставляет сомнений в том, что этот сюжет, действительно, возникает в Западной Европе и затем распространяется по Восточной Европе. Вместе с тем скорее всего этот процесс не был одномерным. Восточнославянские сюжеты 756В, заимствованные из Западной Европы через польское влияние, содержат значительное количество черт, которые находят объяснение в древнерусской литературе и иконописи. Апокрифическое «Слово о Крестном Древе» и иконография благоразумного разбойника, сформировавшиеся в эпоху второго южнославянского влияния XV–XVI вв., определяют существенные особенности основного структурного элемента сказки о кумовой кровати – покаянного подвига героя.

Рассмотрим генезис основных образов и мотивов сказки о разбойнике Мадее.

Первой литературной фиксацией образа кумовой кровати является история «О Готтшальке, ростовщике, который увидел огненное седалище, уготованное для него в аду» из «Бесед о чудесах» (2,7) (1219–1223) Цезария Гейстербахского⁵⁹. Герой, который является одновременно крестьянином, мельником⁶⁰ и ростовщиком, похваляется перед пилигримами, что, сидя дома и не подвергая свою жизнь опасности, он получил благодаря своим деньгам прощение всех грехов. За это святотатство сам дьявол переносит его на вороном коне в ад, где Готтшальк лицезреет огненное седалище, предназначенное для наказания за его греховное ремесло:

⁵⁷ *Andrejev N.P.* Op. cit. S. 201–203.

⁵⁸ *Ibid.* S. 176–182.

⁵⁹ *Hauschild C.* Op. cit. S. 339.

⁶⁰ Стоит отметить, что мельником, как у Цезария Гейстербахского, является герой сказки у Добровольского. Это уникальный случай в рамках восточнославянской традиции.

как огонь пожирает солому, так и его существо поглощено ростовщицеством⁶¹.

Еще одним средневековым произведением, повлиявшим на возникновение 756А и 756В, являются «Проповеди для народа» (1230–1240) Жака де Витри⁶². 72-я проповедь содержит историю отшельника, к которому обратился разбойник, совершивший множество убийств. Отшельник дает ему епитимью – читать молитву «Отче наш» и творить поклоны, как только тот увидит придорожный крест. Разбойник убегает от родственников своих жертв, но, увидев крест, останавливается, читает молитвы и предпочитает умереть, чем бежать, не исполнив епитимьи. Его душу уносят ангелы, прославляя его как мученика, а отшельник приходит в смущение, считая, что разбойник удостоился незаслуженной награды, и после смерти попадает в ад⁶³. Отшельник Жака де Витри сохраняется в сказке о кумовой кровати в двух ипостасях – как человек праведной жизни, который дает епитимью великому грешнику (в восточнославянских сказках это запродавший черту герой, который становится священником, ксендзом или епископом), и как завистливый анахорет, который по-фарисейски считает себя достойнее Божественной милости, чем раскаявшийся разбойник (подобный герой характерен для «западной» редакции 756В).

В большей степени восточнославянские сказки 756В обязаны средневековому христианско-апокрифическому «Слову о Крестном Древе». Оно включает в себе истории о происхождении трех деревьев, которые стали крестами на Голгофе и на которых были распяты Иисус Христос, благоразумный и безумный разбойники. Она приписывалась в славянской литературе Григорию Богослову, отцу церкви IV в. Апокриф о Крестном Древе распространяется на Руси в XV–XVI вв. и становится одним из самых популярных и влиятельных неканонических религиозных произведений.

«Слово...» имеет компилятивный характер и состоит из восьми отдельных историй. В сказке о разбойнике Мадее отражаются некоторые из них. Райское дерево было трехчастным. Одна часть Божья, вторая – Адама, третья – Евы. «Сиф, сын Адама, приносит заболевшему отцу три прута (или один) от райского дерева, из-за которого Адам был изгнан из рая. Адам делает венок, в котором его хоронят. Из венка пред воротами рая вырастает дерево»⁶⁴.

⁶¹ Heisterbach C. The Dialogue on Miracles. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1929. P. 76–79.

⁶² Hauschild C. Op. cit. S. 339.

⁶³ Vitry J., de. Exempla. L.: David Nutt, 1890. P. 32–33, 166–167.

⁶⁴ Казан М.Д. Апокрифы о крестном древе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 61.

По приказу Соломона, который строит храм, демоны приносят это дерево в Иерусалим. Из него будет сделан Крест Господень. Адамова часть райского дерева попадает в реку Тигр или Нил. «Сиф зажег его в память отца. Это был вечный огонь. Авраам послал к огню Лота, который в искупление своего греха посадил три головни и вырастил из них дерево. Люди, живущие рядом, поклонялись этому дереву как чудотворному. На кресте, сделанном из него, был распят праведный разбойник»⁶⁵. Когда демоны приносят дерево, выросшее у врат рая из венка, сделанного из дерева жизни, «незаметно в его корнях они выносят череп Адама, который остается лежать в поле. <...> Слуга Соломона, сопровождавший его на охоте, во время бури спрятался в пещере, оказавшейся не из камня, а из кости. Соломон понял, что это череп Адама, и приказал перенести его в Иерусалим. Там он поклонился ему, как первому созданию Бога, а затем приказал закидать его камнями, как первого ослушника. Так образовалась гора Голгофа (Литостратон), место, на котором распяли Христа»⁶⁶.

«Слово...» происходит из «еврейских и греческих сочинений, оригиналы которых подчас не сохранились. О путешествии Сифа к вратам рая повествуется во второй части “Евангелия Никодима” <...> О дереве, выращенном Лотом из головней, сообщается в греческой Хронике Михаила Глики (XII в.). Предание о главе Адама было известно в Иерусалиме, где его в XII в. слышал Даниил игумен и внес в свое “Хождение”»⁶⁷.

А.Н. Веселовский первый указал, что символизм апокрифической легенды о наказании Лота, которая является составной частью «Слова...», сближается «с небольшой группой преимущественно славянских рассказов, развивающих известную тему о расцветании головни как признаке, что покающийся искус грешника (разбойника, кровосмесителя) угоден Господу»⁶⁸. Более того, Веселовский считал, что между легендой о Крестном Древе и сказкой существует генетическая связь. Эту связь он усматривал при сравнении мотивов бретонских легенд со славянскими и литовскими. В бретонских легендах разбойник начинает каяться после того, как узнает от вернувшегося из ада юноши по имени Мадей о наказании, которое ему там уготовано. Он выращивает дерево из

⁶⁵ *Каган М.Д.* Указ. соч. С. 62.

⁶⁶ Там же. С. 61.

⁶⁷ Там же. С. 62.

⁶⁸ *Веселовский А.Н.* Западные легенды о древе креста и Слово Григория о трех крестных деревьях // *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 6–10. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1883. С. 378–379.

головни, но затем велит сделать из этого дерева себе крест и терпит на нем то же мучение, что и Христос.

Сходные с Веселовским наблюдения, касающиеся, однако, болгарских сюжетов, делает Флорентина Бадаланова-Геллер. Героем болгарских текстов, стоящих как бы на границе между апокрифической религиозной легендой и сказкой о разбойнике Мадее, является Лот. Чтобы искупить свой грех кровосмешения, в одном случае, по приказу самого Господа, он должен срезать три ветки с дерева на могиле Адама, обжечь их, посадить и поливать три года, пока они не прорастут,нося воду во рту [Бадаланова-Геллер 2017, с. 390]; в другом случае, по требованию монастырского священника, Лот должен срубить три дерева, сжечь их, а три головни посадить и поливать [Бадаланова-Геллер 2017, с. 459]. В обоих случаях дьявол активно мешает Лоту, но тому все-таки удастся вырастить деревья. Контаминацию болгарских сюжетов с легендой о Крестном Древе отмечает Т.А. Агапкина, указывая на то, что сюжет легенд близок к сказочному типу 756В, но актантом в них выступает ветхозаветный Лот [Агапкина 2019, с. 366–367].

Одно из действующих лиц легенды о Крестном Древе – ветхозаветный патриарх Лот, племянник Авраама. Он и сказочный разбойник Мадей предстают как великие грешники. Лот совершает непреднамеренный инцест со своими дочерьми: чтобы оставить потомство, они опаивают отца и беременеют от него. Сказочный разбойник сближается с Лотом с помощью инцестуального мотива: в сказках Афанасьева и Садовникова герой вступает в связь с матерью, сестрой и кумой⁶⁹. «Лот-кровосмеситель, на древе которого распят добрый разбойник, во всяком случае неотделим от разбойника-кровосмесителя, подобно Лоту, взращающего (sic!) чудесное дерево из головни»⁷⁰. Примечательно, что этот инцестуальный мотив, роднящий апокрифическую историю покаяния Лота со сказочной историей Мадея, появляется только в русских сказках. На наш взгляд, это один из признаков того, что восточнославянские сказки 756В являются таким западноевропейским заимствованием, которое испытывало византийское влияние.

И Лот, и разбойник Мадей нуждаются в отпущении грехов и для этого совершают очистительные действия. О епитимье разбойника Мадея мы уже говорили. Епитимьей Лота в легенде становится добывание головешек от священного горящего дерева (которое, напомним, являлось Адамовой частью дерева познания, было вынесено на берег Тигра или Нила и было зажжено Сифом

⁶⁹ Инцест взаимосвязан с мучением на раскаленной постели в индийской и финской мифологии (*Karlovicz J.* Op. cit. S. 125.).

⁷⁰ *Веселовский А.Н.* Указ. соч. С. 382.

в память об отце) и выращивание из них нового дерева. Дерево Лота срубает Соломон при строительстве Иерусалимского храма, чтобы соорудить крышу, но, поскольку оно не подходит, его оставляют стоять внутри храма. Затем из него изготавливают крест для благоразумного разбойника.

Действующие лица апокрифов о Крестном Древе определяют актантную структуру сказки о кумовой кровати. Так, Авраам легенды становится в сказке священником (или ксендзом), который задает невыполнимую епитимью великому грешнику. А апокрифический Лот определяет главные черты сказочного героя: его греховность, выполнение покаянного подвига, связь с водной стихией (это актуально, когда герой предстает не как разбойник, а как мельник). Лот – раскаявшийся грешник, вырастивший чудесное дерево, на котором распинают на Голгофе благоразумного разбойника.

В апокрифах о Крестном Древе, на наш взгляд, можно найти также объяснение посещению разбойником Мадеем ада, где он лицезреет горящее ложе. Во всех вариантах сказаний Лот добывает три головни, необходимые для выполнения покаянного подвига, от горящего дерева. Мадеево ложе тоже огненное. И немаловажно также то, что в финале сказки адское Мадеево ложе замещается райским, и тоже огненным: им становится не что иное, как горящее дерево, с которым срастается раскаявшийся разбойник, либо костер. Кроме того, горящее дерево в сказаниях расположено у реки Нил. Египет в христианской традиции является аналогом ада. В «Хронике» Михаила Глики Авраам «ἡσπάσατο αὐτὸν ὡς ἐκ νεκρῶν αὐτὸν δεξάμενος» («обнял его <Лота. – Л. К.>, словно бы обрел его из мертвых»)⁷¹. Таким образом, в поисках разрешения от греха Лот словно посещает ад. Точно такое же по смыслу действие совершает и разбойник Мадей.

Итак, возникает такая историческая цепочка: Лот – благоразумный разбойник – разбойник Мадей. В одном из текстов, хранящихся в электронном архиве Литературного музея Эстонии, мы встречаем прямое отождествление сказочного разбойника с евангельским благоразумным разбойником: герой сказки приходит к Голгофе, его распинают вместе с Христом, и он произносит молитву праведного разбойника: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем», после чего оказывается в раю (ЭЛМ). Чаще всего, однако, взаимосвязь благоразумного разбойника и разбойника Мадея проявляется в том, что последний умирает, лежа крыжом, т. е. в крестообразной позе. Этот эмблематический сказочный образ явственно отсылает к висящему на кресте разбойнику.

⁷¹ Vassiliev A. Anecdota graeco-byzantina. Mosquae: Sumptibus et typis Universitatis Caesareae, 1893. С. 219.

К легенде о Крестном Древе восходит мотив сгорания. Он становится константой финальной части 756В: герой либо сжигает себя сам, либо его сжигает священник, либо он рассыпается прахом. Лот легенды приносит три головни от дерева, которое Сиф зажигает в Египте в память Адама и которое выросло на месте смерти Адама (БЛДР, 1999, т. 3, с. 285)⁷².

Способ сгорания сказочного героя-разбойника определяется апокрифическим генезисом головней, из которых он должен вырастить дерево. Эти головни метонимически связаны с Адамовой головой, поскольку они являются отростками того дерева, которое возжигает Сиф в Египте, а последнее, в свою очередь, происходит от древа, выросшего из венка на голове Адама. В «Слове о Крестном Древе» подробно рассказывается о том, что Голгофский холм представляет собой Адамову голову, которая была вынесена от ворот рая вместе с деревом, послужившим материалом для голгофского Креста, а затем была засыпана израильянами камнями (БЛДР, 1999, т. 3, с. 289, 291). Разбойник Мадей эмблематически отождествляется с Адамовой головой. Постаревший, он лежит у корней выращенного в результате выполнения епитимьи дерева, срастается с деревом, покрывается мхом, на нем выют гнезда птицы. Само выращенное дерево, с благоухающими плодами, предстает как символический аналог Креста Господня: оно вырастает из булавы, воткнутой в землю на горе, и тем самым оказывается подобно посоху Моисея, которым ветхозаветный пророк высек воду из скалы (Исход 17: 5–7) и который стал, таким образом, прообразом Креста Господня как источника воды жизни. После покаяния Мадей сгорает, по всей видимости, вместе с выращенным деревом, что опять же отсылает нас к образу горящего дерева на реке Нил, связанного с Адамом.

Мотиву срастания героя-грешника с деревом можно дать, однако, не христианское, а языческое объяснение. Афанасьев рассматривал деревья как обиталище душ усопших⁷³. Пребывание человеческой души в дереве в индоевропейской традиции понималось как посещение чистилища: «Литовцы верили, что Бог не посылает грешного человека сразу в ад, но предлагает сначала искупить грехи на земле и поэтому помещает его душу в дерево» [Бераснявичус 2020, с. 41]. Таким образом, мотив вживления,

⁷² Эта часть легенды легла в основу сказочного типа ATU 772 “Wood for the Holy Cross”.

⁷³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М.: Индрик, 1994. С. 508.

почти отождествления героя-разбойника с деревом, фиксируемый в белорусских вариантах, может быть объясним как прохождение души через чистилище перед отправлением в рай.

Образ апокрифического Лота объясняет также связь героя сказки с водой, которая обнаруживается у Добровольского: ветхозаветный патриарх оплакивает свои грехи, сидя у слияния двух рек – Иора и Дана, а семена для своего дерева (горящие головни) добывает на реке Нил. Этот мотив оплакивания грехов содержится, правда, не в «Слове о Крестном Древе», а в так называемом сказании Севериана Гавальского, одном из вариантов апокрифа о Крестном Древе⁷⁴.

Апокрифический Лот получает в «Слове о Крестном Древе» от праведного Авраама невыполнимое покаянное задание – принести головни от дерева, которое горит у Нила, и вырастить их,нося воду во рту (БЛДР, 1999, т. 3, с. 285). В этой «епитимье», данной Авраамом Лоту, следует искать генезис сказочной пакуты, которая является базовым элементом сказок о кумовой кровати⁷⁵.

Образ расцветающей (обгоревшей) трости имеет как антично-языческие, так и библейско-христианские истоки [Varvounis 2006, S. 324]. Так, у Павсания мы находим описание расположенной у статуи Гермеса в Трезене дикой маслины, выросшей из дубины Геракла, которую тот прислонил к статуе (Paus. 2, 31, 13). В Ветхом Завете расцветший жезл Аарона (Числа 17: 1–6) становится знаком священнического избранничества и признаком искупления греха Корея, Дафана и Авирона, которые дерзнули самостоятельно, без Моисея и Аарона, совершать каждение перед скинией (Числа 16: 1–35). Причем этот расцветший жезл помещается перед ковчегом внутри скинии (Числа 17: 7–10). Таким образом, жезл Аарона становится ветхозаветным прообразом Креста Господня как нового Древа жизни. Этот библейский символизм соответствует как символизму «Слова...», так и символизму сказки.

В книге пророка Иезекииля образ зацветающего сухого дерева становится признаком могущества Божьего (Иез. 17: 24).

В агиографической литературе («Житие преподобного Иоанна Колова») содержится ближайшая аналогия сказочной епитимьи: чтобы испытать твердость веры только что пришедшего монаха, египетский авва Пимен дает Иоанну Колову послушание

⁷⁴ Пытин А.Н. Памятники старинной русской литературы. Вып. 3. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1862. С. 83.

⁷⁵ Ян Карлович возводит сказочную епитимью к древнеиндийским аскетическим практикам, зафиксированным в «Рамаяне» (Karlóvisz J. Op. cit. S. 126–128).

поливать сухое дерево; через три года оно расцветает и приносит плоды⁷⁶.

В качестве дерева, которое должен, поливая, вырастить герой-разбойник, как правило, фигурирует яблоня (яблонева булава). В восточнославянской народной мифологии яблоня отождествляется с древом познания⁷⁷. Веселовский отмечает, что для легенд о древе Лота характерно представление о том, что на нем был распят не благоразумный разбойник, а сам Христос⁷⁸. Это значит, что в рамках легенды древо познания и древо Лота (благоразумного разбойника) сближаются. Этому сближению способствует представление, что древо познания состояло из трех частей – Божией, Адамовой и Евиной.

В сказочной традиции яблоня и яблоки связаны с жизнью, смертью и воскресением. «В народно-библейской традиции вкушение яблока с древа познания вызывает смерть. Согласно ирландскому преданию, яблоком был убит Каин. В немецкой сказке мертвец является в виде огненного яблока до тех пор, пока его не предадут погребению, которого он желает»⁷⁹. «Яблоки исцеляют от болезней (см.: ATU 551 Water of Life, 610 The Healing Fruits), воскрешают мертвых (см.: ATU 590 The Faithless Mother, 673 The White Serpent's Flesh)»⁸⁰. В сказке о кумовой кровати яблоки представляют собой души убитых разбойником Мадеем, причем во время финальной исповеди героя эти яблоки падают в знак отпущения грехов, иногда превращаясь в птиц и взлетая в небо. Стало быть, яблоки объединяют в себе мотивы смерти и воскресения. Стоит также обратить внимание на то, что разбойник Мадей срастается с яблоней и сгорает вместе с ней, и это становится знаком его очищения и преображения, временной смерти и воскресения.

В сказке Добровольского содержится одна примечательная особенность, о которой мы уже говорили: протагонистом второго хода является не разбойник, а мельник. Эта деталь нуждается в особой интерпретации.

Мельник у Добровольского предстает алломорфом разбойника Мадея. Взаимосвязь мельника и разбойника в рамках 756В раскрывается в свете этнолингвистических исследований.

⁷⁶ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Т. 3. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. С. 182.

⁷⁷ У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. С. 456.

⁷⁸ Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 378.

⁷⁹ Eckehart Spengler W. Apfel, Apfelbaum // Enzyklopädie des Märchens. Bd. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 1979. S. 622–623.

⁸⁰ Ibid. S. 622.

В традиционной славянской культуре мельники относятся к числу «знающих» людей, которые входят в контакт с нечистой силой (с водяным, чертом), обитают на границе освоенного людьми жилого пространства (за пределами села, у воды) и наделены сверхъестественными, в том числе колдовскими, способностями⁸¹. Т.В. Цивьян показывает, что у «знающих» людей всегда есть покровитель-двойник: пастух /леший, мельник /водяной, кузнец /черт и т. д. [Цивьян 2000, с. 183]. В силу этого в народной христианской культуре мельник считался великим грешником: «...на иконе XVIII в. из киевского Златоверхого Михайловского монастыря мельник помещен в ад наряду с кравцом, сапожником, ведьмой, прелюбодеями-кумовьями, где грешники танцуют под музыку скрипача»⁸².

Вместе с тем мельник обладал властью над нечистой силой с помощью травы под красноречивым названием «адамова глава», которая считалась магической. Взаимосвязь мельника с «адамовой главой» позволяет перекинуть мостик к легенде о Крестном Древе. Дерево, которое выращивает апокрифический Лот, происходит из семян, проросших из подлинной головы Адама. Затем оно было использовано для изготовления креста для покаявшегося разбойника. Этот крест был установлен на Голгофе – месте погребения головы Адама и распятия Христа. Трава «адамова глава» являлась апотропеем, оберегающим мельницы, в силу подобия мельницы и Голгофы. Крылья мельницы были аналогом голгофского креста, на котором был распят праведный разбойник, а мельница была подобием «главы Адама», голгофского холма.

Еще одна семантическая особенность сказки Добровольского, связанная с легендой о Крестном Древе, – образ гробницы как волшебного помощника.

В сказке Добровольского выстраивается такая последовательность волшебных помощников, к которым обращается испугавшийся посмертного воздаяния мельник: юноша-священник – пустынник – гробница. Эта градация имеет сакрально-христианскую окраску. Первый помощник – молодой священник, второй – старый праведник-анахорет. Что же гробница? Почему триада волшебных помощников замыкается ею? Сакральный статус гробницы может быть понят также в свете средневекового апокрифа о Крестном Древе.

⁸¹ Петрухин В.Я. Мельник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 221.

⁸² Там же.

Сказочная гробница связана с Адамовой головой, которая, согласно апокрифу, представляла из себя костяную пещеру, была найдена Соломоном и перенесена в Иерусалим. Соломон вместе с жителями Иерусалима поклонился голове Адама как первому творению Божию и забросал ее камнями как первого отступника Божия. Так и возникла Голгофа, на которой были воздвигнуты три креста, в том числе праведного разбойника, послужившего прототипом для кающегося мельника, стремящегося избежать адской кумовой кровати.

Сказочная гробница велит мельнику собирать хворост, на котором он впоследствии сгорает. Этот мотив горения рассмотрен нами выше.

*«Разбойник Мадей»
и иконописная традиция⁸³*

Сказочный разбойник Мадей (Рах) связан с иконописным типом евангельско-апокрифического благоразумного разбойника. Признаком пристального внимания к этому персонажу в русской церковной культуре является возникновение его единоличных иконных изображений. Подобные иконы получают широкое распространение на Руси с XVI в. и пользуются популярностью вплоть до XIX в. Значение иконописного типа благоразумного разбойника подтверждается его присутствием в иконостасе Благовещенского собора Московского Кремля. Примечательно, что в католической традиции отдельные алтарные изображения благоразумного разбойника появляются позднее, в XVII–XVIII вв.⁸⁴

Икона благоразумного разбойника располагалась на северных вратах иконостаса, изображения на которых «имели назидательный характер, содержали сюжеты покаяния и обретения грешником Царства Божиего» [Шалина 2000, с. 573]: пророк Даниил в львином рву, три отрока в печи огненной, история грехопадения праотцев, их изгнания из рая и покаянный плач у врат рая, лоно Авраамово. «Идея утраченного и вновь обретенного Рая – одна из главных в убранстве боковых врат – наиболее полно отражалась в образе самого Благоразумного разбойника, чье полнофигурное изображение, благодаря ясности и емкости символического содер-

⁸³ В этой части нашего исследования мы опираемся на опыт сравнительного анализа фольклора и древнерусской иконописи, который принадлежит В.Я. Проппу [Пропп 2002, с. 92–114].

⁸⁴ *Lucchesi Palli E. Dismas // Lexikon der christlichen Ikonographie. Bd. 6. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. S. 68.*

жания, в XVI в. стало самым распространенным на древнерусских алтарных вратах» [Шалина 2016, с. 340].

Образ благоразумного разбойника связан с символикой северной части храма. Там расположен жертвенник, где во время литургии совершается проскомидия, символизирующая Голгофскую жертву Христа. Евангельский рассказ о благоразумном разбойнике, который молит Христа помянуть его в своем царствии и получает обещание: «Ныне же будешь со мной в раю», соотносится с поминовением живых и умерших, совершаемым во время проскомидии. Кроме того, северные двери расположены слева от престола, тем самым повторяя расположение креста благоразумного разбойника справа от Христа.

«Неотъемлемым для иконографии Благоразумного разбойника стал крест в его руках – божественное знамение для входа в Рай» [Шалина 2016, с. 341]⁸⁵. Иногда разбойник прижимает крест крестообразно сложенными дланями [Шалина 2016, с. 342]. Эта иконописная традиция, по всей видимости, определяет выразительные подробности сказочного разбойника, а именно – его крестообразную позу, в которой он лежит под деревом либо на очистительном костре.

Анализируя иконы «Воскресения Христа с сошествием в ад» XVI–XVIII вв., В.Г. Пуцко показывает, что их характерной чертой становится изображение благоразумного разбойника в райском саду с деревьями и птицами [Пуцко 1966, с. 411]. Этот иконографический мотив переносится на единоличные иконы, где благоразумный разбойник изображается в окружении райских цветов. Он присутствует в сказке в слегка модифицированном виде. Разбойник, рассказавшийся и исполнивший свою епитимью, оказывается как будто в раю: его осеняет яблоня, усыпанная золотыми яблоками, источающими неземное благоухание; вокруг него поют птицы и даже вьют гнезда на нем самом, обросшем мхом.

Через иконопись, по всей видимости, получают распространение традиционные сказочные имена разбойника: Рах (Рак) и Мадей.

В Евангелии и в святоотеческой литературе благоразумный разбойник лишен имени, но получает его в литературе апокрифической. В Евангелии от Никодима (V в.) он носит имя Дисмас (Δύσμας). «В течение всех Средних веков Дисмас считался образцом (Vorbildgestalt) кающегося и помилованного грешника»⁸⁶. Под влиянием Евангелия от Никодима в русских лицевых

⁸⁵ Lucchesi Palli E. Op. cit. S. 68.

⁸⁶ Wimmer E. Dismas // Enzyklopädie des Märchens. B. 3. Berlin: Walter de Gruyter, 1981. S. 697–698.

страстях XVII в. утверждается имя Дижмон⁸⁷. А.Н. Веселовский и Б.В. Деревенский приводят имя благоразумного разбойника, которое встречается в *Collectanea* Псевдо-Беды, – *Matha*, отсюда – Мадей⁸⁸.

Имя Дисмас в западноевропейской традиции «закрепилось благодаря употреблению в “Каталоге святых” (*Natalibus. CatSS.* III 228) Петра Наталиса (XIV в.), популярном в позднем средневековье»⁸⁹. Это имя употребляется в сказочном типе АТУ 750Е «*Flight to Egypt*», испытавшем влияние апокрифического «Арабского Евангелия детства»⁹⁰. Возможно, Мадей, наиболее распространенное имя сказочного разбойника в западной традиции, зафиксированное в АТУ, является не чем иным, как искаженной формой имени Дисмас, которое иногда читалось как Дим(ас)⁹¹.

Имя Рах имеет несколько объяснений. Возможно, оно является производным от имени благоразумного разбойника, зафиксированного в рукописи софийской библиотеки XVI в., – Араг [Покровский 2001, с. 456]. По другой версии, оно восходит к апокрифическому памятнику XVII в. «Беседа трех святителей»: «Распятая с Христом, что ся слышата, или что се сказаеа имене ею?» Иоанн рече: “Иже одесную Вѣраи, еже скажется сила, а еже ошуюю, Геста, иже скажется оземьствие”» [Шалина 2016, с. 343]. По третьей версии, имя Рах происходит от имени греческого мученика Варвара, который тоже был раскаявшимся разбойником: через промежуточную форму Варрах Варвар превратился в Раха [Покровский 2001, с. 456]. Примечательно, что на некоторых русских дверях, например, из церкви Толгской иконы Богородицы

⁸⁷ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 2: Листы исторические, календари и буквари. М.: Тип. Императорской Академии наук, 1881. С. 870–871.

⁸⁸ Веселовский А.Н. Указ. соч. С. 385; Иисус Христос в документах истории / сост. Б.Г. Деревенский. СПб.: Алетей, 2001. С. 132.

⁸⁹ Зайцев Д.В. Дисмас // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/178545.html> (дата обращения 15 мая 2023).

⁹⁰ Uther H.-J. *Deutscher Märchenkatalog*. Münster; N.Y.: Waxmann, 2015. S. 170.

⁹¹ Ян Карлович выдвигает относительно генезиса имени Мадея остроумное предположение, которое можно квалифицировать как эвгемерическое. По мнению польского этнографа, имя Мадей восходит к венгерскому воеводе Фелициану Амадею, совершившему разбойное нападение на венгерского короля Карла и его жену. Впоследствии семья Амадеев обосновалась в Польше и, по мнению Карловича, обрела такую общенародную известность, что послужила прообразом для сказочного разбойника (*Karłowicz J.* Op. cit. S. 105).

в Ростове рубежа XVI–XVII вв., разбойник действительно назван Варахом [Шалина 2016, с. 345].

Имя Рах может иметь диалектное происхождение. Рах (или раха) – это палка с развилкой на конце, рогуля [СРНГ, 2000, т. 35, с. 341]. «Можно предположить, что древнее написание “Рах” не было именем разбойника. Это было его прозвище: “подвешенный на рогатку”, “распятый”. На алтарных дверях Благоразумный Разбойник был представлен как поклонный образ, а не персонаж исторической композиции, и, видимо, поэтому иконописцы не были уверены, можно ли писать рядом с ним апокрифическое имя. Поэтому они прославляли разбойника как безымянного святого, надписывая его образы на основании Евангелия от Луки: “Благоразумный разбойник Рах”, т. е. “Распятый Благоразумный разбойник”»⁹².

Выводы

Восточнославянские сказки о разбойнике Мадее, как правило, состоят из двух ходов, каждый из которых включает в себя блок недостачи, предварительное и основное испытание. Одноходовые структуры, сохраняющие второй ход двухходовых, встречаются в восьми записях. Восточнославянский ареал сохраняет пропорцию соотношения между «длинной» (двухходовой) и «короткой» (одноходовой) структурой 756В, которая была установлена Андреевым: 54/246 и 8/31. Одноходовые структуры встречаются в 20–25 % записей.

Восточнославянские сказки о кумовой кровати резко отличаются от «западной» редакции и совмещают в себе черты «центрально-европейской» и «русской» редакции. В них отсутствует характерное для «западной» редакции дополнительное испытание второго хода, где отшельник предстает как ложный герой, который завидует прощению разбойника Мадее. Украинские сказки и часть белорусских укладываются в «центрально-европейскую» редакцию, русские же и другая часть белорусских, особенно пограничных с Россией, соответствуют «русской» редакции.

В ареальную модель Андреева можно внести несколько коррективов. Преднамеренность запродажи героя первого хода, которую Андреев считал принадлежностью только русских сказок, свойственна также небольшому числу белорусских и украинских.

⁹² Губарева О.В. Благоразумный разбойник // Образовательный портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/theology/48690.php> (дата обращения 15 мая 2023).

К числу исключительных черт русских сказок можно отнести поиск героем первого хода помощника на пути в ад. Совместное путешествие героя первого хода с Мадеем в ад, вопреки мнению Андреева, является принадлежностью не только русских, но и белорусских сказок. Исключительными особенностями украинских и белорусских сказок («центрально-европейская» редакция) являются: 1) особая форма доминирования героя первого хода, которая выражается в том, что он кропит ад святой водой, осыпает его пшеницей, строит часовню, костел либо устанавливает поклонный крест; 2) исповедь разбойника Мадея, в результате которой осыпающиеся яблоки превращаются в голубей и взлетают к небу.

Ареальное распространение сказок о разбойнике Мадее не оставляет сомнений в том, что этот сюжет, как это установил Андреев, возникает в Западной Европе и затем распространяется по Центральной, Северной и Восточной Европе. Вместе с тем скорее всего этот процесс не был одномерным. Восточнославянские сюжеты 756В, заимствованные из Западной Европы через польское влияние, содержат значительное количество черт, которые находят объяснение в древнерусской литературе и иконописи.

Образ Мадеева ложа отчасти восходит к огненному сидищу из «Бесед о чудесах» Цезария Гейстербахского, запроданный герой-священник первого хода – к образу отшельника из «Проповедей для народа» Жака де Витри. Однако больше всего сказка о разбойнике Мадее обязана апокрифам о Крестном Древе и иконографии благоразумного разбойника. «Слово о Крестном Древе» определяет актантную структуру сказки: Авраам – это человек праведной жизни, дающий невыполнимую епитимью, Лот – великий грешник (Мадей), который нуждается в очищении. Лот выращивает дерево, из которого изготавливается крест благоразумного разбойника, родственного герою сказки (смерть в крестообразной позе, покаяние). Мадей эмблематически соотносится с Адамовой головой: постаревший, он срастается с яблоней, обрастает мхом, лежа внизу дерева, символически тождественного Кресту Господню. Форма покаянного подвига раскаявшегося разбойника восходит к нескольким источникам: мотив расцветания сухой трости – к образу дубины Геракла и жезла Аарона, а мотив выращивания дерева из сухой трости – к Житию Иоанна Колова.

Иконографией евангельско-апокрифического благоразумного разбойника определяется крестообразная поза разбойника Мадея и окружающий его райский сад. Через древнерусскую иконопись получает распространение одно из двух собственных имен сказочного героя – Рах.

Благодарности

Автор выражает благодарность Елене Михайловне Боганевой за вдохновение и предоставленные архивные материалы, Татьяне Васильевне Володиной – за помощь в работе с источниками, Сергею Юрьевичу Неклюдову – за корректировку траектории исследования, Андрею Львовичу Топоркову – за ценные критические замечания.

Acknowledgments

The author expresses sincere gratitude to Elena Mikhailovna Boganeva for inspiration and provided archival materials, to Tatiana Vasilievna Volodina for help in working with sources, to Sergei Yurievich Neklyudov for correcting the trajectory of the study, and to Andrei Lvovich Toporkov for valuable critical comments.

Список сокращений

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–20 / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997–2020.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1966 – по наст. вр.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

ЭЛМ – Архив Эстонского литературного музея. URL: <https://www.kirmus.ee/> (дата обращения 10 янв. 2024).

ATU – The types of international folktales. A classification and bibliography based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson by Hans-Jörg Uther. 3 vols. Helsinki, 2004.

Литература

Агапкина 2019 – Агапкина Т.А. Деревья в славянской фольклорной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.

Бадаланова-Геллер 2017 – Бадаланова-Геллер Ф. Книга сущая в устах: фольклорная Библия бессарабских и таврических болгар. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. 854 с.

Добровольская 2019 – Добровольская В.Е. Сюжет ATU 510B «Peau d’asne»: СУС 510B «Свиной чехол» в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 1. С. 20–30.

Добровольская 2022 – Добровольская В.Е. Сюжет «Дух в голубом свете» в русской сказочной традиции: между фольклорной сказкой и автор-

- ским творчеством // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 113–136.
- Каяниди 2020 – *Каяниди Л.Г.* Структурно-семантическая типология метаморфозно-орнитологического сюжета восточнославянской сказки (СУС 425М) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 1. С. 56–93.
- Кузнецова 2003 – *Кузнецова В.С.* Легендарные сказки из фольклорной коллекции Государственного архива Новосибирской области: сюжеты «Кумова кровать» и «Образ-порука» // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3. С. 82–89.
- Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2023 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2023. 237 с.
- Неклюдов 2023а – *Неклюдов С.Ю.* Золотое блюдо и рыбий смех: опыт семантического анализа мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 2. С. 12–48.
- Неклюдов 2023б – *Неклюдов С.Ю.* Сказочный сюжет как продукт литературно-фольклорного синтеза: казус АаTh 485А // Шаги/Steps. 2023. Т. 9. № 3. С. 30–86.
- Покровский 2001 – *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 562 с.
- Пропп 2002 – *Пропп В.Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 92–114.
- Пуцко 1966 – *Пуцко В.Г.* Благоразумный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1966. Т. 22. С. 407–418.
- Цивьян 2000 – *Цивьян Т.В.* Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2000. С. 177–192.
- Шалина 2000 – *Шалина И.А.* Боковые врата иконостаса: иконография и символика // Иконостас: происхождение, развитие, символика: Сб. статей / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 559–598.
- Шалина 2016 – *Шалина И.А.* Образ Благоразумного разбойника на боковых вратах псковских иконостасов // Искусство христианского мира / отв. ред. А.А. Воронова. Т. 13. М.: ПСТГУ, 2016. С. 339–358.
- Бераснявічус 2020 – *Бераснявічус Г.* Вырай: паняцце пра пасмяротнае жыццё ў старалітоўскім светапоглядзе. Смаленск: Інбелкульт, 2020. 191 с.
- Moser 1981 – *Moser D.-R.* Verkündigung durch Volksgesang. Studien zur Liedpropaganda und -katechese der Gegenreformation. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1981. 688 S.

Varvounis 2006 – *Varvounis M.* Bemerkungen zur Byzantinischen Tradition des Wachstums des Feuerbrands oder des Trockenen Stocks (AaTh 756) // *Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines*. 2006. Vol. 76. S. 321–329.

References

- Agapkina, T.A. (2019), *Derev'ya v slavyanskoi fol'klornoi traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic folklore tradition. Essays], Indrik, Moscow, Russia.
- Badalanova Geller, F. (2017), *Kniga sushchaya v ustakh: fol'klornaya Bibliya bessarabskikh i tavricheskikh bolgar* [The book existing in the mouth: the folklore Bible of the Bessarabian and Taurian Bulgarians.], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia.
- Berasnyavichus, G. (2020), *Vyrai: panyatstse pra pasmyarotnae zhytstse ŷ staralitoŷskim svetapoglyadze* [Vyrai. The concept of posthumous life in the Old Lithuanian worldview], Inbelkul't, Smolensk, Russia.
- Dobrovol'skaya, V.E. (2019), "The plot of ATU 510B 'Peau d'asne'. SUS 510B 'Pig cover' in the Russian fairy tale tradition", *Traditsionnaya kul'tura*, vol. 20, no. 1, pp. 20–30.
- Dobrovol'skaya, V.E. (2022), "The plot of 'The Spirit in the Blue Light' in the Russian fairy tale tradition. Between a folk tale and an author's work", *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 2, pp. 113–136.
- Kaianidi, L.G. (2020), "Structural and semantic typology of the metamorphic ornithological plot of the East Slavic tale (SUS 425M)", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 1, pp. 56–93.
- Kuznetsova, V.S. (2003), "Legendary tales from the folklore collection of the State Archives of Novosibirsk Region. The plots of 'Kum Bed' and 'Obraz-Guarantee'", *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, vol. 3, pp. 82–89.
- Meletinskii, E.M., Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. and Segal, D.M. (2023), *Struktura volshebnoi skazki* [The structure of a fairy tale], RGGU, Moscow, Russia.
- Moser, D.-R. (1981), *Verkündigung durch Volksgesang. Studien zur Liedpropaganda und -katechese der Gegenreformation*, Erich Schmidt Verlag, Berlin, Germany.
- Neklyudov, S.Yu. (2023), "The golden dish and fish laugh. An essay in semantic analysis of motifs", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 2, pp. 12–48.
- Neklyudov, S.Yu. (2023), "Adventure tale plot as a product of literary and folkloric synthesis. Case AaTh 485A", *Shagi / Steps*, vol. 9, no. 3, pp. 30–86.
- Propp, V.Ya. (2002), "George's snake fighting in the light of folklore", in Propp, V.Ya., *Fol'klor. Literatura. Istoriya* [Folklore. Literature. History], Labirint, Moscow, Russia, pp. 92–114.

- Pokrovskii, N.V. (2001), *Evangelie v pamyatnikakh ikonografii, preimushchestvenno vizantiiskikh i russkikh* [The Gospel in the monuments of iconography, mainly Byzantine and Russian], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Putsko, V.G. (1966), "The Good Thief in apocryphal literature and Ancient Russian fine art", in *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*, vol. 22, Nauka, Moscow, USSR, pp. 407–418.
- Shalina, I.A. (2000), "The side gate of the iconostasis. Iconography and symbolism", in Lidov, A.M., comp., *Ikonnostas: proiskhozhdenie, razvitiye, simvolika: Chornik statei* [Iconostasis. Origin, development, symbolism. Collected articles], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, pp. 559–598.
- Shalina, I.A. (2016), "The image of a Good Thief on the side gates of the Pskov iconostases", in Voronova, A.A., ed., *Iskusstvo khristianskogo mira* [The art of the Christian world], vol. 13, PSTGU, Moscow, Russia, pp. 339–358.
- Tsiv'yan, T.V. (2000), "About one class of characters in the lower mythology. 'Professionals'", in Tolstaya, S.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology], Indrik, Moscow, Russia, pp. 177–192.
- Varvounis, M. (2006), "Bemerkungen zur Byzantinischen Tradition des Wachstums des Feuerbrands oder des Trockenen Stocks (AaTh 756)", *Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines*, vol. 76, pp. 321–329.

Информация об авторе

Леонид Г. Каяниди, кандидат филологических наук, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия; 214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; leonideas@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-4937-1908

Information about the author

Leonid G. Kaianidi, Cand. of Sci. (Philology), Smolensk State University, Smolensk, Russia; 4, Przhhevalsky St., Smolensk, Russia, 214000; leonideas@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-4937-1908